

УДК 930.2: 070.11
DOI: 10.17223/26188422/3/6

Д.Л. Стровский

**ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ.
СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ О ВРЕМЕНИ,
АВТОРАХ И ИХ ГЕРОЯХ**

В данной статье, написанной не столько в научной, сколько в публицистической форме повествования, рассматриваются особенности развития советской журналистики применительно к освещению «еврейского вопроса». В центре внимания – материалы СМИ, раскрывающие эту тему, а также судьбы журналистов еврейского происхождения, оказавших влияние на общественное сознание страны на том или ином отрезке отечественной истории. Автор размышляет о том, какой отпечаток наложили различные события в жизни Советского Союза, связанные с «еврейским вопросом», на формирование профессионального мировоззрения журналистов. Эти события не только повлияли на эволюцию медиапроцесса в стране, но затронули жизнь самого автора и его близких. Все это усиливает личностное содержание текста, делая его эмоциональным. В представленной статье не ставится задача представить строгие академические обобщения, вместе с тем она может восприниматься в качестве эмпирического материала для различных исследований в области политологии, социологии и истории СМИ, а также других гуманитарных наук.

Ключевые слова: история журналистики, коммунистическая идеология, советская пропаганда, Израиль, «еврейский вопрос» в СССР, антисемитизм, борьба с «безродным космополитизмом», литературно-художественная периодика, самиздат

Вместо предисловия

Живя в Израиле, как-то по-новому ощущаешь то, чему посвятил всю свою взрослую жизнь, – историю журналистики. Потому, прежде всего, что она начинает восприниматься через призму еврейства – непривычную для меня еще до недавнего времени. Не то чтобы «еврейская тема», нашедшая отражение в жизни и содержании советских СМИ, совсем проходила где-то в стороне в годы моей работы на факультете журналистики Уральского государственного, а потом феде-

рального университета. Нет, конечно. В ходе подготовки, особенно поначалу, очередной лекции глаз всегда зорко выхватывал из общего массива материала этот контекст. Но «еврейская тема» никогда не была для меня самостоятельной в потоке журналистской истории.

В Израиле, где моя жизнь началась менее трех лет назад, все оказалось по-другому. Начать с того, что гуманитарная сфера здесь развивается далеко не так, как в больших (по размеру и численности населения) странах. На нее в Израиле нет денег. Нет, это не фигура речи, как в России, а повседневная реальность, которая объясняется жесткой конфликтностью между Израилем и соседними арабскими государствами. Финансы получают оборонная и сельскохозяйственная сферы, но никак не гуманитарная. Ну, разве что за исключением иудаизма, который занимает особое и очень почетное место в системе здешнего познания.

«Узкое» восприятие гуманитарного пространства типично для многих маленьких территорий. Это относится и к журналистике. Израильские университеты сосредоточены в первую очередь на изучении своих СМИ. Глобальное информационное поле если и исследуется, то лишь в общем виде или с учетом вклада евреев в его развитие. И данный фактор накладывает серьезный отпечаток на всю систему здешнего восприятия мира. В этом довелось убедиться почти сразу же после переезда в Израиль.

...Одну из своих первых лекций я посвятил особенностям советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны. На один из слайдов поместил фотографию Юрию Левитана, без которого невозможно представить этот период советской истории.

– Он же еврей! – как-то обрадованно и сходу выдохнула одна из студенток, увидев снимок Ю. Левитана.

– Точно, еврей, – поддержали ее несколько голосов.

Им было очень интересно узнать о Ю. Левитане. Не уверен, что это желание проявилось в той же мере, если бы речь шла о человеке иной национальности. Но так уж устроено сознание израильтян, выхватывающее из необъятного мира именно «своих». И это не может не влиять сегодня и на мое восприятие истории советской журналистики. Но от этого она делается, по-моему, только содержательнее.

Совсем не претендую на то, чтобы всесторонне осмыслить тему, вынесенную в заглавие. Это невозможно в рамках одной журнальной статьи, которая является лишь попыткой к исследованию эмпириче-

ского материала, накопленного за годы советской истории. Однако эта попытка не только познает прошлое, но и помогает лучше понять как день сегодняшний, так и «лицо» современных российских СМИ.

Следуя линии партии

Среди советских журналистов всегда были люди с «пятой графой». Это словосочетание, если кто не знает, брало свое начало из разметки советского паспорта, который выглядел не таким, как нынешний. В пятой строке странички, раскрывающей личные сведения, значилась национальность. Советский Союз был многонациональной страной, но когда говорили о «пятой графе», все сразу же понимали: речь идет о евреях.

Лиц еврейского происхождения в любом СМИ в первые советские десятилетия было не так много – на фоне всех остальных сотрудников. Но все-таки в каждой редакции областного или городского уровня всегда сидело по паре-тройке «дежурных» евреев. Иногда и больше.

Многое объяснялось официально провозглашенной политикой. В 1920-х годах в стране была проведена целая кампания по борьбе с антисемитизмом. Изрядное число материалов против этого явления, открыто называемого вредным и даже позорным, было опубликовано в «Комсомольской правде», «Крокодиле», таком литературно-художественном журнале, как «Молодая гвардия». О недопустимости развития антисемитизма писали М. Горький, В. Маяковский, Н. Асеев и многие другие. А в 1929 г. вышла книга историка и соредатора дореволюционной Еврейской энциклопедии Самуила Лозинского «Социальные корни антисемитизма в Средние века и Новое время», где это явление было названо «наследием прежнего режима», с которым советская власть решительно борется [1].

Так что центральной прессе в 1920-е гг. евреев можно было встретить часто, их тогда еще не притесняли. По моим подсчетам, примерно четвертая часть всего журналистского состава «Правды», «Известий» и «Труда» того времени была с «пятой графой». Квалифицированных кадров в советской прессе в ту пору остро не хватало, факультетов и отделений журналистики до середины 1930-х гг. еще и вовсе не существовало (их заменяли чаще всего одно- или двухгодичные курсы), а заполнять страницы партийных газет и журналов было необходимо каждый день.

Евреи, преданные советской власти, на это ремесло подходили как нельзя лучше. Уже потому, что образовательный ценз в этой среде после большевистской революции 1917 г. был высок. Все-таки евреи всегда считались «людьми книги». Каждый еврейский мальчик еще в XIX в. в обязательном порядке ходил в хедер (школу), где читал Тору и Талмуд, проходил литературу и историю. Так что потом эти люди неплохо водили пером по бумаге и обладали, как бы мы сейчас сказали, креативным мышлением. На заре советской эры они по собственной воле ринулись строить социализм, в том числе и на ниве журналистики.

Но евреи пошли в революцию и большевистскую печать не только по причине своей грамотности. С тем же успехом они могли послужить в белой армии, где тоже выходили многочисленные издания. Но белое движение прочно ассоциировалось в сознании евреев с прежней властью. Той самой, которая задолго до 1917 г. ввела для них черту оседлости и ограничения в получении университетского образования, которая с безразличием воспринимала погромы и унижения огромного числа людей, называемых в Российской империи пренебрежительно «жидами». Так что никакого уважения к прежней власти у подавляющего большинства евреев, ощущавших ее несправедность, не было. Как недвусмысленно писал в 1919 г. Максим Горький, в этом народе жила «неугасимая вера в торжество правды, – вера, без которой нет человека, а только двуногое животное» [2]. И евреи стремились к правде, видя в ней смысл всей своей жизни. Сегодня это звучит наивно, но что было – то было.

Впрочем, советская власть действительно отменила черту оседлости и провозгласила равенство всех людей. Нетрудно понять чувства евреев. Подавляющее их большинство незамедлительно перешло на сторону Советов: художники, музыканты, писатели. Еврейские по национальности журналисты не стали исключением из правил. Многие из них, вслед за Л.Д. Троцким, начисто отвергали свое еврейское прошлое. Оно перестало что-то значить в борьбе за идеалы мировой революции. Отныне эти люди принадлежали только коммунистической идеологии. Так и оказывались многие из них в советской прессе. А кое-кто занялся формированием теории партийной печати. Обсуждали главное: какой ей быть в новых политических условиях и о чем она должна писать.

Еще на первом съезде Союза журналистов России в 1918 г. главный редактор «Известий» Юрий Стеклов (Овший Нахамкис), говорил

о возможности существования двух типов газет – руководящей, нацеленной на партийно-хозяйственный актив, и массовой – для рядовых читателей. Дескать, не все строители социализма могут сходу освоить серьезные темы, надо их к этому подводить постепенно, используя и развлекательную функцию прессы. К этой дискуссии потом подключились Яков Шафир [3], Михаил Левидов (Левит) [4] и другие, которые отчетливо видели в СМИ великую силу преобразования общества. Поэтому все они, как один, устремили взгляд на осмысление роли и задач партийной печати и рассуждали о путях привлечения внимания к советской газете. Но при этом все советские теоретики массовой информации первого поколения были за признание классово-природы журналистики [5]. Ну, а куда деться в ту пору от реализации идеологических задач новой власти? Никуда. Вот и писал Сергей Ингулов (Рейзер) о том, что в спорах о новой газете нельзя «допускать путаницы, колебаний, дискуссий и споров по основным идейным, принципиальным установкам партии» [6].

Партия сразу же после прихода к власти действительно начала рулить всеми проявлениями жизни. И в первую очередь сферой журналистики, воспринимаемой в виде неотъемлемой части общепартийной работы. Несмотря на довольно лояльное в ту пору отношение к журналистам еврейского происхождения, им все-таки советовали подбирать псевдонимы. Чтобы подлинные еврейские фамилии не мозолили глаза читателям. Считалось, что так будет лучше для общества, поскольку они представляют все же не «титულную» национальность. А многие газетчики это делали сами – без всякого напоминания. И если открыть сегодня газеты и журналы того времени, то еврейские имена встретишь там нечасто.

Многие читатели 30-х годов и не догадывались, что любимейший журналист И. Сталина Михаил Кольцов, чье имя в буквальном смысле гремело на всю страну, в действительности имел фамилию Фридлянд, а его родной брат, легендарный газетчик-карикатурист той эпохи, был известен под псевдонимом Борис Ефимов. И тот, и другой от своего еврейского происхождения если не отреклись публично, то и не подчеркивали его, а фотографии их самих в прессе не появлялись. В творчестве Кольцова не найти «еврейской темы», за исключением его репортажей с показательных судебных процессов 1930-х гг., на которых судили Г. Зиновьева (Радомысльского), Л. Каменева (Розенфельда). Г. Сокольников (Бриллианта) и других вид-

ных большевиков. Примечательно, что в этих материалах М. Кольцов, критикуя и даже высмеивая подсудимых, никогда не упоминает их национальности. Это в ту пору было попросту не принято, следуя раннему высказыванию И. Сталина о том, что «коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма» [7].

А вот Б. Ефимов действовал иначе. Его повседневным и излюбленным коньком были шаржи, и Б. Ефимов создавал их на многих, в том числе и на тех, кого советская власть бросала в топку репрессий. Евреев среди его героев было немало, что подтверждалось внешним видом персонажей. Больше всего от Б. Ефимова доставалось, конечно, «иудушке Троцкому». Тот неизменно изображался в поблескивающем пенсне, с неприятным и каким-то искривленным лицом, и длинным крючковатым носом. Вероятно, для того, чтобы никто не мог усомниться, кем являлся по национальности «поборник буржуазии» Троцкий. Называть Льва Троцкого (Бронштейна) таким словосочетанием – это все равно, что писать про людоеда, жалостливого ко всему живому. Но тогда это было в порядке вещей. Газетные и журнальные рисунки тех лет, создаваемые, помимо Бориса Ефимова, усилиями таких карикатуристов, как Лев Бродаты и Юлий Ганф, били, что называется, не в бровь, а в глаз. Вся эта рисованная сатира, публикуемая не только в центральных газетах, но и в таких журналах, как «Бегемот», «Красный ворон», «Смехач» и многих других, воспитывала читателей в непримиримом духе к врагам революции и всяким «мелкобуржуазным недобиткам».

Часто задумываюсь сегодня: что творилось в головах этих людей – и журналистов, становившихся безжалостными обличителями, и их многочисленных жертв, – если они не вспоминали, во всяком случае публично, о своем еврейском происхождении? Правда, отказываться от него было тогда делом естественным. Какая принадлежность к еврейству, если рано или поздно все национально-культурные границы должны стереться окончательно и бесповоротно. А для чего партия грезит мировой революцией...

Отстраненность от своих национальных корней демонстрировали в первые годы советской власти многие советские журналисты. «Красную газету», главное большевистское издание в Петрограде, возглавлял, например, В. Володарский (Моисей Гольдштейн) – заместитель М. Урицкого по тамошней ЧК. В первой половине дня Воло-

дарский редактировал издание, а во второй приезжал на место еще одной своей работы и там, в подвалах ЧК, вершил большевистский самосуд. Газетой «Беднота» – самой популярной крестьянской газетой того времени – руководил Лев Сосновский. Личностью он был менее одиозной, чем Володарский, и сам в расстрелах вроде бы не участвовал. Что, правда, не помешало его жизни завершиться раньше срока. И если Володарский пал от пули эсера еще в годы гражданской войны, то жизнь Сосновского оборвалась в 37-м. Понятно, что не от старости (шел ему в ту пору лишь 52-й год), но от рук своих единомышленников.

Схожим образом сложилась в эти годы судьба и многих других журналистов. Например, Якова Бельского (Биленкина), уроженца Одессы. В начале 1920-х гг. он служил в одесской губчека, но по распоряжению партии был направлен на укрепление печати, став в 1930-х гг. зам. редактора журнала «Крокодил». Там и проработал вплоть до 1937 г., когда был обвинен в шпионаже в пользу иностранных разведок и расстрелян [8]. Аналогичная судьба постигла в 1939 г. и Карла Радека (Кароля Собельсона), одного из идеологов партии, журналиста «Известий», известного балагура и весельчака. За три года до этого он был исключён из ВКП(б) и почти тогда же арестован, став одним из главных обвиняемых в ходе второго Московского процесса. Потом был третий Московский процесс, после чего К. Радек был отправлен в отдаленный изолятор, откуда уже не вышел живым.

Вчитываешься в биографии этих журналистов и понимаешь: советская власть в те годы решительно забыла об их прежних заслугах перед ней и искоренила, как мусор. А может, это была расплата еврейского бога за те прегрешения, которые совершили эти люди, в том числе и перед своим народом. Не знаю...

Говорят, что самые страшные антисемиты вырастают из евреев, отвергнувших свои национальные корни. Так, похоже, и было в первые советские десятилетия. Наиболее одиозной фигурой на этом поприще был, наверное, Давид Заславский – бессменный публицист «Правды» на протяжении сорока с лишним лет. Заславский мог с легкостью и потрясающей быстротой написать неумный панегирик «Евреям в СССР», где еврейская культура воспринималась «неотъемлемой частью всей советской культуры». А мог «до кучи» выпустить серию жутких по своему содержанию очерков «Педагоги-вредители», в которых критиковал «пробравшихся в стан идейных врагов совет-

ской власти» профессоров высшей школы, среди которых были и носившие еврейские фамилии.

Если бы только Заславский отличался в советское время ярко выраженным приспособленчеством! Нет, таких журналистов тогда хватало с избытком. Люди той поры, работавшие в печати, демонстрировали недюжинное рвение в борьбе за социалистические идеалы. По правде говоря, сегодня уже не так-то просто сказать, кто это делал искренне, а кто руководствовался исключительно «стадным» инстинктом. Мне кажется, однако, что подавляющее большинство тогдашних газетчиков искренне верили в то, что своей неумной критикой по поводу неугодных они искореняют недостатки окружающей жизни.

К числу таких людей, бесспорно, можно отнести и главного редактора «Правды» Льва Мехлиса, под началом которого и работал Д. Заславский в 1930-е гг. Л. Мехлис был назначен на эту должность в мае 1930 г., когда являлся зав. отделом печати ЦК ВКП(б) и одновременно членом редколлегии этой газеты. До этого Л. Мехлис несколько лет учился на курсах при Коммунистической академии и в Институте красной профессуры; в соответствии с требованиями тогдашнего времени он считался подготовленным работником. И хотя обычную среднюю школу Мехлис к тому времени так и не закончил, но был человеком проверенным, способным выполнить любое партийное поручение. Что и стало залогом его продвижения по службе. Вот и на новой должности у Льва Мехлиса все получилось как нельзя лучше. И. Сталин был доволен новым главредом, при котором «Правда» стала, наконец, безоговорочным рупором партии и с безудержной страстью начала бороться с оппортунистами всех мастей, будь они представителями ЦК партии или работниками какой-либо кооперативной артели. Так что Давиду Заславскому и другим журналистам «Правды» при написании своих фельетонов и репортажей было у кого поучиться!

«Сильнее огонь по оппортунизму и гнилому либерализму!», – передовая статья с таким заголовком увидела свет в «главной газете» страны 25 декабря 1931 г. Подобных зубодробительных призывов в те годы можно было встретить немало и, конечно, не только в «Правде». Однако «Правда» под руководством Льва Мехлиса, как и полагается, отличалась особым рвением в отстаивании партийной «чистоты». На первом этапе на Мехлиса возлагалась задача очистить газету от «скверны», которую привнес в ее работу прежний редактор Николай

Бухарин. С чем он справился превосходно. Попутно не осталось «живого места» и от Емельяна Ярославского (Минейя Губельмана), члена редколлегии «Правды», ратующего якобы за «свободу от критики». Как и в чем выражалось это стремление к свободе, сказать сложно: Ярославского уж точно невозможно было упрекнуть в либеральности взглядов, да и в какой-либо антипартийной группе он никогда не состоял. Тем не менее Мехлис нашел, что сказать о своем соратнике по партии со страниц «Правды». Ну а потом...

Потом кипучая деятельность Льва Мехлиса продолжилась уже на поприще выявления всех врагов народа, благо в 30-е гг. нехватки в них не было. Правда, в начале 1938 г. Мехлиса направили начальствовать в главное политуправление Красной Армии. Прослужив на посту главного редактора «Правды» почти восемь лет, еврей Л. Мехлис внес заметный вклад в публичное, посредством газетного слова, разоблачение Г. Зиновьева, Л. Каменева и многих других видных членов партии. А какие слова текли в «Правду» по этому поводу из-под пера работавшего там Михаила Кольцова! Достаточно открыть сегодня любой из его репортажей с судебного процесса – того и тех, что за ним следовали. Это ж прекрасный наглядный урок для сегодняшних российских пропагандистов. Те, впрочем, давно воспользовались им, даже не читая Кольцова и ничего не зная о Мехлисе.

Конечно, советскую идеологию тогдашнего времени укрепляли представители всех национальностей. Но роль евреев на общем фоне была отчетливо заметной. Те, о ком рассказываю, были просто-таки одержимы мыслью построения нового мира, казавшегося им не только желанным, но и близким. Вот одолеем завтра всех классовых врагов, и все сразу станет хорошо. И потому участники этого, без преувеличения, воинствующего процесса активно искривлялись вместе с линией партии. Куда она звала – туда и шли. Без каких-либо размышлений на этот счет и тем более сожаления.

Мне очень хотелось бы видеть в журналистике советского времени больше совестливых евреев. Но надо признать: в стране, где на политическом уровне с совестью было не очень, честные и в сфере журналистике были в дефиците. Хотя как сказать... Кристально чистым на протяжении всей советской власти считался тот, кто каленым железом выжигал из своей пламенной души малейшие искорки буржуазности и сострадания к врагам революции. Об этом грустно вспоминать, но приходится. Хотя бы для того, чтобы не ретушировать прошлое.

В борьбе с «безродным космополитизмом»

...Пока был жив Сталин, еврейские родители старались удерживать своих детей от поступления на факультеты журналистики. Исходя из тогдашней реальности, царящей в родной для них стране, они знали: возможность стать студентом такого факультета, всегда считавшегося сугубо идеологическим, для их ребенка ничтожна. А вот вероятность провала при сдаче там вступительных экзаменов у еврейского мальчика или девочки значительно выше, чем у его обычного сверстника. Так стоит ли собственноручно вести ребенка на эту Голгофу? И вместо того, чтобы получать гуманитарное образование, еврейские дети шли на какую-нибудь техническую специальность. Там с «пятым пунктом» вопрос решался проще. Мой папа в 51-м, после окончания школы, мечтал пойти журфак или, в крайнем случае, истфак, но дедушка, его отец, сказал жестко: «Только через мой труп».

К этому времени лояльное отношение к евреям как в сфере культуры вообще, так и журналистики уже окончательно сошло на нет. Первые проявления государственного антисемитизма обозначились еще в 1930-е гг., в ходе борьбы с формализмом в искусстве. Но тогда это явление не было отчетливо заметным, к формалистам причислялись представители разных национальностей. Гораздо тревожнее ситуация стала во второй половине 40-х, когда по всей стране началась кампания по борьбе с безродным космополитизмом. Кто только не был тогда предан остракизму из советских писателей, художников, музыкантов еврейского происхождения... Считалось, что у них «нет родины», и поэтому они лучше всего подходят на роль космополитов. Ну да, если евреи несколько тысяч лет назад обосновались в Палестине, а потом разбрелись по всему миру, какое у них может быть чувство патриотизма по отношению к Советскому Союзу...

Кажется, в 1949-м «Известия» напечатали примечательную статью «И вновь о художниках-пачкунах», по существу, повторив заголовок «Правды» от 1 марта 1936 г. В этой статье, словно под копирку, перечислялись те, кто искажал своими полотнами и рисунками советскую действительность. Читавшие эту публикацию не могли не увидеть, что подавляющее число этих «пачкунов» имели еврейские фамилии.

А чуть раньше, 28 января того же 1949 г., та же «Правда» опубликовала другую статью «Об одной антипартийной группе театральных критиков». В зубодробительном стиле «главная газета» страны обви-

няла московских критиков Ю. Юзовского, А. Гурвича, А. Борщаговского и других в отстаивании идей буржуазного искусства. Глядя на фамилии этих «псевдоэстетов», каждый должен был понимать: только они, евреи, спят и видят, чтобы потоптаться на «нерушимой» советской культуре, а потом и разрушить ее в угоду буржуазных интересов. Как конкретно это должно было произойти, «Правда» умалчивала. Считалось, вероятно, что это и так понятно.

Советская пресса была полной наводкой по евреям, представлявшим разные сферы культуры и искусства. В начале 1950-го года досталось, например, деятелям кино, лишенным «национальной гордости». Первыми, по кому выстрелила тогда «Правда», были Л. Трауберг и Е. Габрилович, которые сеяли «отсебятину» и мешали «здоровому развитию» советской жизни. Их упрекали в том, что они в своих сценарных и режиссерских работах показывают слишком мало хорошего. За несколько лет до этого, в марте 1943 г., тот же Е. Габрилович получил приветственное письмо от И.В. Сталина, в котором отмечалась его забота о воздушных силах Красной Армии. Но и это не спасло его от последующей неумолимой критики в свой адрес. Советская власть могла на какое-то время «приподнять» человека, вселив в него чувство «великой» причастности к делам страны, а потом с легкостью бросить его «мордой об стол», чтобы было неповадно другим. Так и жили...

Беспрестанное муссирование в тогдашних СМИ «еврейской темы» вело к снижению нравственной планки и у самих журналистов. Как тут не вспомнить деятельность редактора газеты «Советское искусство» В. Вдовиченко. Вначале он боролся с «безродным космополитизмом» только со страниц своего издания. Но потом активизировался. Как только ЦК ВКП(б) обвинил его в поверхностном характере публикуемых материалов, пылкая душа В. Вдовиченко не выдержала. Он направил члену Политбюро Г.М. Маленкову служебную записку, в которой взгляды названных выше театральных и иных критиков воспринимались под углом зрения «разветвленного сионистского заговора». К тексту прилагался список из 83 чел. – всех, как один, с еврейскими фамилиями [9. С. 56].

Одни представители журналистского сообщества яростно обвиняли в космополитических пристрастиях своих коллег, другие становились жертвами этого процесса. Так, на одном из партийных собраний в «Правде», проходивших в начале 1949 г., международный обозреватель газеты Я.С. Маринин (Хавинсон) произнес обличительную речь.

В ней он осудил тех сотрудников, которые создали в стенах редакции «националистическую группировку», поддавшись до этого на «провокации внешних империалистических сил». Я.С. Маринин без обиняков озвучил фамилии всех «нестойких» сотрудников, которых тут же предложил уволить. В марте того же года из «Правды» был изгнан целый ряд опытных журналистов: зав. экономическим отделом С. Гершберг, зав. отделом информации Л. Бронтман, ведущий репортер Б. Изаков и ряд других. То, что редакция оскудеет на профессиональные кадры, никого в ту пору нее волновало. Найдутся другие... Некоторые известные журналисты получили выговоры. Среди них оказался и Давид Заславский. Ему припомнили связи с Еврейским антифашистским комитетом (ЕАК), уже разгромленным к этому времени, и дружбу с Соломоном Михоэлсом, главрежем Московского еврейского театра. Через пару месяцев после того памятного «разбора полетов», по предложению главного редактора «Правды» П.Н. Поспелова, был снят с работы и редактор журнала «Крокодил» Григорий Рыклин [10]. В качестве вины ему поставили то, что он якобы пошел на поводу у «кучки безответственных сатириков» – Л. Ленча, Э. Кроткого (Э.Я. Германа), Б. Ласкина и др. [11].

И таких примеров, когда одни журналисты «закладывали» других, чтобы через некоторое время оказаться на месте очередных жертв, можно вспомнить великое множество. Ситуация этого времени напоминала неустанный молох, который перемалывал человеческие судьбы.

...Жуть происходящего была настолько очевидной для моих дедушки и бабушки, что они невольно хотели уберечь от всего этого своего сына. Они не хотели, чтобы он становился журналистом. И папа поступил на металлургический факультет. Он успешно закончил его, но до конца жизни вспоминал историю своего поступления в вуз с грустью. Ему совсем не хотелось быть мастером в сталелитейном цехе. Но пришлось. И таких историй у евреев папиного поколения, родившихся в предвоенное десятилетие, было великое множество. Сколько по-настоящему способных людей не досчитались тогда журфаки, истфаки, философские факультеты...

О «людях-вредителях» и не только

Не знаю, как ощущали себя в 1940-х гг. еврей-космополиты, обруганные «Правдой» и другими центральными газетами. Мне не дове-

лось с ними встречаться, а сегодня все они безвозвратно ушли в мир иной.

Зато с одной из «космополиток», жившей в те годы в Свердловске, я виделся неоднократно. Белла Абрамовна Дижур попала «под раздачу» в 1949-м, в самый разгар этой кампании. Тогда областная газета «Уральский рабочий» открыто критиковала ее и другого свердловского писателя Геннадия Хазановича за их «откровенно аполитичную» позицию. В то время, как страна преодолевает послевоенные трудности, писал «Уральский рабочий», Б. Дижур приятнее «молчать, и в этот мир, размеренный и стройный, как гальки в озеро, стихи ронять».

Белла Абрамовна была неплохой поэтессой. Одновременно справедливо считалась добротной детской писательницей, чьи книги впоследствии издавались в Средне-Уральском книжном издательстве. Когда-то она передавала экземпляры этих книг мне, мальчишке (через мою маму-журналиста), снабдив их всякий раз дарственной надписью. Но это было уже в конце 60-х и 70-е гг., через много лет после той памятной в стране кампании гонений на евреев.

По-настоящему же мне довелось познакомиться с Б.А. Дижур много лет спустя, в Нью-Йорке. Она жила недалеко от района Брайтон-Бич, в небольшой квартирке, которую купил для нее сын – всемирно известный скульптор Эрнет Неизвестный. Помнится, за те полтора месяца, что пробыл тогда в этом американском городе, я несколько раз заходил к Белле Дижур. Ей было тогда уже за 90, но память ее оставалась по-прежнему удивительно живой. Белла Абрамовна отлично помнила едва ли не все детали своей жизни. И конечно, ту публикацию в «Уральском рабочем».

– А я ведь до этого верила в журналистов, – говорила мне Б. Дижур. – Мне казалось, что они призваны быть совестливыми. Но тогда, в 49-м, отчетливо поняла: это полная ерунда. С чего они будут такими, если окружавшая их жизнь двигалась в другом направлении.

Думается, в этих словах прозвучала очень важная мысль, не утратившая актуальности и сегодня: журналисты не могут остаться «белыми и пушистыми» в условиях, когда под их пером искажается сама жизнь.

Впрочем, сами сотрудники советских СМИ не очень-то стремились в то время завуалировать свои оценки. Безжалостно резали правду-матку. В условиях гонения на «безродных» космополитов они сами с легкостью и в любой момент могли оказаться в той же кампании

«предателей» и «вредителей», невзирая, кстати, на свое национальное происхождение. Вот и боролись эти люди, витийствовали, разоблачали, как могли.

В известном смысле апофеозом этой борьбы стал фельетон Василия Ардаматского «Пиня из Жмеринки», увидевший свет в журнале «Крокодил» в марте 1953 г. На должности директора промкомбината Жмеринского райпотребсоюза числится некий Пиня Палтинович Мирочник, окруживший себя большим числом своих родственников. Пиня и вся его многочисленная родня еврейского происхождения занимаются активным жульничеством и «резаются под самым носом у районного прокурора». Если известный на всю страну журнал поместил на своих страницах такой опус, значит, его редакция считала, что его содержание справедливо. По-другому и быть не могло. «В чем только не замараны руки жмеринских фокусников! – заключал В. Ардаматский – И в ваксе, и в синьке, и в халве, и в подсолнечном масле, и в меду, и в патоке» [12. С. 13]. В содержании названного фельетона невозможно найти хотя бы какие-то доказательства, подтверждающие махинации Пини и его окружения. Но в качестве объекта насмешки В. Ардаматский выбрал именно евреев. Такие публикации были в ту пору нередкими, задавая общий тон всей разнузданной антисемитской кампании и демонстрируя «лицо» тогдашней прессы.

СМИ во многом способствовали и развязыванию массовой истерии в СССР по поводу «дела врачей», получившей развитие в январе 1953 г., когда обвиняемыми, якобы готовившими преднамеренное убийство Сталина и других руководителей страны, предстали врачи Кремлевской больницы. Подавляющее большинство обвиняемых были с «пятой графой». «Заговор» тогда предотвратила «скромный медработник» Лидия Тимашук. Обозреватель «Правды» Ольга Четчикова с восторгом писала, что ее поведение «стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины» [13]. Однако практически сразу же после смерти Сталина в марте 53-го все обвинения с «врачей-вредителей» были сняты, а Лидию Тимашук лишили ордена Ленина, которым она была награждена за свой «героический поступок» [14]. Вся эта история поучительна. Не только своей безжалостной сущностью, но и поведением людей в сложившихся обстоятельствах.

Мне никогда не бывает комфортно, читая о фактах отречения от самого себя в угоду «политической целесообразности». Мне вдвойне

некомфортно, если по этому пути идут евреи. Тем более, если это евреи, связавшие себя с журналистикой. Еврей-журналисты в сталинские десятилетия, как и все остальные «работники пера», воспевали цинизм и аморальность того времени. При этом они совсем не считали свои усилия позорными. Скорее наоборот: партия ставит задачи, и ничего не может быть важнее их выполнения.

...Помню книжку, опубликованную еще в конце 20-х и озаглавленную ни много ни мало как «Люди-вредители». Журналисты центральной прессы Абрам Аграновский, Григорий Лелевич (Лабори Калмансон) и Григорий Рыклин писали о так называемом «Шахтинском деле». Горные инженеры Донбасса тогда вознамерились разрушить сердце советской промышленности, и в каждом из очерков, помещенных в книжку, можно было увидеть «истинное лицо» этих людей. Вот как, например, Г. Рыклин характеризует в очерке «Без фотографии» инженера Березовского: «Это кулак, чистенько одетый, образованный, продающий свое образование, чтобы “извлекать” и “накоплять”». И таких высказываний по поводу обвиняемых в книге «Люди-вредители» великое множество. По поводу сидящих на скамье подсудимых, но еще не признанных судом виновными, тот же Г. Рыклин в очерке «Оговор» отмечает просто и понятно: «Инженеры-уроды, представшие сегодня перед советским судом, совершенно не знаменуют собой гниения и разложения в среде нашей технической интеллигенции» [15].

Все эти и им подобные обвинения без устали повторяла вся тогдашняя советская пресса. Не беспокоясь о том, что обвиняемые, по закону, тоже имеют право высказаться. Но можем ли мы ставить вопрос о каком-то законе в то время... А в последующие годы не дали высказаться уже все троим авторам книги «Люди-вредители». Г. Лелевича расстреляли в 37-м, А. Аграновский тогда же получил тюремный срок, Рыклин пострадал в годы борьбы с безродным космополитизмом... Мне видится во всем этом что-то от божеской кары. Порождая зло, будь готов, что оно возвратится к тебе сторицей. Судьбы авторов книги «Люди-вредители» кажутся мне показательными – для понимания того, что происходило с людьми, жившими в СССР. И как стремительно размывалось во многих из них чувство достоинства.

Когда я слышу сегодня о «хрупкой» еврейской душе, то сразу же вспоминаю о вкладе евреев в построение социализма в СССР. Оно было сверхэнергичным и безжалостным к тем, кто не отвечал требо-

ваниям времени. И еврей-журналисты жили и творили, не щадя живота своего. Ради своего выживания? Во имя «светлого будущего»? Или искренне веря в правоту своего дела? Кто ж сейчас разберет. Да и стоит ли разбираться...

Оттепель

Если бы не смерть Сталина в марте 1953 г., неизвестно, что стало бы с евреями, жившими в Советском Союзе. После борьбы с «безродным космополитизмом» и «дела врачей» от диктатора можно было ожидать всего, что угодно. Тот же литературный критик А. Борщаговский, в послевоенные годы попавший, как уже отмечалось, «под раздачу», писал, что на железнодорожных путях уже стояли готовые товарники – для отправки евреев куда-нибудь подальше от Москвы и Ленинграда [16]. Не знаю точно. Так или иначе, но кончина «отца народов» остановила эту вакханалию.

Меня не удивляет, что после этого советские СМИ запестрели куда большим числом авторов, носивших еврейские фамилии, чем прежде. Контроль за отбором журналистов и тем, конечно же, продолжал существовать, и представить номер газеты, где бы появилось сразу несколько «подозрительных» фамилий, было невероятно. Но все-таки в этом вопросе наступило негласное послабление.

Страх из еврейских душ – будь то писатели и журналисты, с одной стороны, или читатели – с другой, уходил не сразу. Он полностью не выветрился и потом, много лет спустя. Но все-таки дышать к середине 50-х стало полегче. Это ощущение подпитывалось в первую очередь содержанием литературно-художественных журналов. Еще до XX съезда КПСС, на котором Н.С. Хрущев выступил со своим закрытым докладом «О культуре личности и его последствиях», эти журналы интуитивно пытались понять, что же происходило со страной в сталинскую эпоху, как вытравить из людских сердец ту тревогу, которая прочно засела в них.

Символом либеральных настроений этого времени стала повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», опубликованная в майском номере журнала «Знамя» за 1954 год. Где-то довелось прочитать, что она, как дождь, вылилась на обледенелые души людей. Пожалуй, что и так. Повесть стала особой приметой того времени. Чутким барометром жизни, полным верой в грядущие изменения. Только растопила ли она эти са-

мые души? Не знаю, по правде говоря. Слишком стальными они стали за годы первых пятилеток, массовых репрессий, бесконечных политических кампаний по выявлению врагов и предателей Родины.

Спешил И. Эренбург, когда писал свою «Оттепель». Незримо боялся того, что приоткрывшиеся двери могут снова захлопнуть приказом «сверху», и не найдет дорогу к читателю его повесть. Спешка эта была видна по всему: по неаккуратно прописанному сюжету, по грубым мазкам в изображении многих героев, подчас не очень реальным описаниям с натуры. Но «Оттепель» все-таки, безусловно, стала ярким произведением для того времени.

...Еврей инженер Соколовский боится за свою жизнь. Его дочь проживает за границей, и не дай бог, соседи прознают об этом. На судьбу врача Веры Шерер наложило отпечаток небезызвестное «дело врачей», и она, искренняя женщина, не может оправиться от страха, который испытала в то время. Еще один инженер, антисемит Журавлев, в сердцах восклицает: «Ничего я против них не имею, а все-таки доверять им нельзя». И это, смекает догадливый читатель, опять о евреях, которые готовы вредить исподтишка, скрывая от окружающих свою истинную натуру.

Эренбург был противоречивой личностью. Это становится понятным из его мемуаров «Люди, годы, жизнь». В них замечен авторский пиетет перед Сталиным, с которым Эренбург не раз встречался лично. Но неимоверно боясь последствий для себя самого, писатель все-таки ударил системе под дых. Исподволь нащупал тот самый нерв, который хоть и не подавал явных признаков жизни, но стонал, ныл в еврейских душах.

Но как взбунтовалась после выхода «Оттепели» сама система! Как пыталась отыгратья она на Эренбурге! По поводу его повести в июле 54-го дважды выступил в «Литературной газете» Константин Симонов. По нему выходило, что Эренбург сильно сгустил краски – вместо того, чтобы показать советскую жизнь цветущей и радостной. И все герои его повести – серые, унылые, невзрачные. Нетипичные де для тогдашнего времени [17]. Когда-то Симонов вместе с Эренбургом регулярно отправляли свои фронтовые корреспонденции и эссе в «Красную звезду». И не было тогда у Ильи Григорьевича «блеклых героев». А тут нате вам, появились.

Потом на ту же тему говорил в своем выступлении на Втором съезде Союза писателей СССР Михаил Шолохов. Сгущает краски в

своем творчестве Эренбург, утверждал он, да еще позволяет себе «обижаться». Объяснить это можно лишь «обостренной чувствительностью» Эренбурга [18]. Ну да... Эренбург, не имея возможности высказаться в открытую, только штрихами набросал проблему антисемитизма в стране. Но и этого было достаточно, чтобы публично потоптаться на нем, невзирая на все его писательские и журналистские заслуги.

Только-только забрезжила в те годы в культуре тема нравственной ответственности художника за то, что он создает. И Эренбург едва ли не первый, кто сказал об этом вслух. Как пытался сказать об этом в то же самое время и другой еврей литературный критик Владимир Померанцев – в своей на шумевшей тогда статье «Об искренности в литературе», появившейся в «Новом мире» в декабре 53-го. В. Померанцев ставил вопрос о том, что многим современным книгам и пьесам недостает честного взгляда на жизнь, что их авторы занимаются лакировкой действительности [19].

Это было честное восприятие происходящего. Но власть, провозгласив отход от сталинских принципов, в действительности не была готова к тому, чтобы кардинально поменять привычные правила игры и мстила всем тем, кто даже робко пытался это сделать. Исподволь ощущала опасность, которая грозит ей такими «кульбитами», пресекала их на корню. Спустя несколько лет после выхода «Оттепели» Илья Эренбург вспоминал об одной из своих встреч с Н.С. Хрущевым: «Я ушел от него с горьким привкусом: намерения у него хорошие, но все зависит от “информации” – кого он слушает и кому верит» [20. С. 419]. То, что Никита Сергеевич был далек от мыслей и чувств Эренбурга и Померанцева, было очевидным. А все остальные, окружавшие Хрущева, – тем более.

Вперед планеты всей

Доводилось читать о том, что евреи в СССР были умнее и прозорливее людей многих других национальностей. Не уверен. Через полвека существования советской власти евреи потеряли свою духовную идентичность. Идиш у многих из них был утрачен, молиться негде, хедеры (еврейские школы) закрыты. Еврейское мышление оказалось растворенным в общем потоке тогдашнего идеологического сознания. Могла ли в этих условиях возникнуть самостоятельность мышления у

этого народа? Да помилуйте! Так что евреи служили советской системе, как и все остальные. Уже и хрущевская «оттепель» шла по стране, а СМИ если и менялись, то очень медленно, со скрипом. Не евреи играли в них первую скрипку, это правда. Но выходя к читателю со своими статьями и корреспонденциями, еврей-журналисты ничем не отличались от остальных своих коллег.

...В 1957-м Никита Хрущев посетил с официальным визитом Британию. Кто откликнулся первым на это событие? Ну, конечно, Даниил Краминов, один из немногих «дежурных евреев» «Правды». С какой силой ополчился он на тогдашнюю политическую элиту Англии, как воинственно потрясал перстом по поводу их «профашистских настроений» и желания «устранить простой народ» от встреч с советским лидером [21]. Никаких реальных доказательств тому, что заморские политики враждебны по отношению к своему народу, у Д. Краминова не найти. В стиле его очерков вообще мало человеческого, зато в них отчетливо виден политический заказ того времени.

А какими разящими не в бровь, а в глаз оказывались в «Правде» фельетоны на международную тему упомянутого выше Давида Заславского! Большинство тем Заславский черпал... из ленты ТАСС. Утром свежая информация, к вечеру уже готов фельетон с разящим названием типа «Маргарита с бомбой» или «Даллес на острове пингинов», а на завтра «эти несколько строк» получают прописку на газетной странице.

И так – годами. Не знаю, получали ли сами Д. Краминов и Д. Заславский удовольствие от того, что писали, верили ли в свою правоту. Мне кажется, они просто не задумывались обо всем этом. Творили так, а не иначе, потому что от них ждали именно такой нацеленности пера. «Подручными партии» называл советских журналистов тот же Хрущев [22]. Лучше и не скажешь. Сегодня Заславский и Краминов все больше напоминают мне болванчиков, этаких ванек-встанек. Поручили в ЦК партии развенчать это – сделаем, сказали там же обрушиться с критикой по другому поводу – напишем и об этом. Эти люди не были исключением в общем ряду тогдашних газетчиков. Но меня не покидает ощущение, что еврей-журналисты служили системе намного ретивее, чем все остальные.

И от этого неимоверно грустно. Мой папа не раз говорил мне, что еврей должен жить «с повышенной зоной ответственности» по сравнению с другими. Прежде всего, по отношению к самому себе. Пото-

му что положение людей с «пятой графой» в советской стране было очень неустойчивым. Но по этой же причине именно евреи проявляли наивысшую энергию в борьбе за идеалы социализма. Бежали впереди паровоза, на всех парах.

Когда не дали отмашку

Когда на протяжении многих лет я рассказывал студентам родного мне журфака Уральского университета о журналистской жизни в годы хрущевской «оттепели», то непременно вспоминал «Комсомольскую правду». В первую очередь потому, что она оказалась первой газетой, начавшей диалог с читателями по действительно важным для них вопросам. И привлекавшей для этого не только журналистов, но и известных людей.

Среди тех, кто откликнулся на этот эксперимент, был и Илья Эренбург. Именно он стал автором комментария, появившегося под письмом некой девушки Нины в сентябре 1959-го года. Само письмо сегодня, спустя 60 лет, выглядит наивным, но что поделать: в те годы жизнь в стране была совершенно иной.

...После окончания института Нина уезжает вместе с мужем в маленький волжский городок. Жизнь на новом месте у нее протекает уныло. Некуда пойти после работы: нет театра, даже тротуары – и те в плохом состоянии. Все грустно, серо. Нина, между тем, не хочет погружаться в один лишь быт и обращается в «Комсомолку» с пронзительным вопросом: как жить дальше в этих беспроектных условиях?

Наверное, в наши дни кое-кто начал бы иронизировать по поводу содержания такого письма. Но И. Эренбург подошел к Нинину восприятию серьезно. «Есть в ней та человечность, – резюмировал он по поводу письма, – та ненависть к сухости, к равнодушию, без которых жизнь – это ряд унылых движений» [23]. И. Эренбург ничего не предлагал Нине взамен того, что у нее есть, но ее письмо в «Комсомолку», и этот ответ известного писателя – характерные примеры «оттепельного» времени. Эренбург увидел в Нине, прежде всего, человека неравнодушного, думающего о чем-то большем, чем материальные блага. Мне кажется, что И. Эренбург точно уловил камертон, столь важный для общества, уставшего от террора, войны, политических кампаний. Камертон, который должен был венчать скорее тишину, нежели пропагандистскую дробь. И маститый литератор интуи-

тивно, но точно нащупал тональность разговора, которая нужна была в то время.

...О том же самом мы говорили много лет назад со скульптором Эрнстом Неизвестным. Я пришел к нему в нью-йоркскую мастерскую, чтобы передать пакет из родного для него Екатеринбурга. А потом мы сидели с Эрнстом Иосифовичем один на один, и тот рассказывал про «оттепельные» годы. И что важно: он, фронтовик и человек высочайшего мужества, тогда, много лет назад, по его же словам, тоже чувствовал в 1950-х гг. жгучую потребность... в простом человеческом языке. Без пафосности и ура-патриотизма.

– Мне хотелось, – вспоминал Э. Неизвестный, – чтобы еврейская интеллигенция стала активным участником этого процесса очищения от прошлого. А она не нашла в себе силы заговорить вслух о том, о чем шепталась по кухням, – про репрессии, Холокост, про извечный в России бытовой антисемитизм. Евреи тогда не осознали свое право громко ставить эти вопросы после всего того, что произошло с ними, и безропотно смирились с общим конформизмом в стране.

Смирились... Жили все эти годы с многолетней согбенностью. Да и власть делала все, чтобы провозглашенная «оттепель» скукожилась как можно быстрее. Характерным подтверждением этому стало наложенное в феврале 1961 г. «вето молчания» на роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Органы госбезопасности изъяли тогда все экземпляры рукописи, в том числе и тот, что хранился в редакции «Нового мира», отобрали даже копировальную бумагу, которая использовалась при распечатывании романа. От В. Гроссмана потребовали подписку о неразглашении, но он отказался ее давать. И направил письмо Хрущеву: «Я прошу свободы моей книге». Свобода, однако, наступила только спустя 28 лет, когда роман, наконец, был напечатан [24].

Советские СМИ в начале 60-х по-прежнему хранили молчание о подлинных болевых «точках» тогдашнего общества. Кое-что попытались обсудить, но робко и нерешительно. И тема антисемитизма так и не вышла в хрущевские годы на сколько-либо заметный уровень. Ее не озвучили в СМИ ни Илья Эренбург, ни Борис Пастернак, ни кто-либо иной. Побоялись? Наверное. Да как обсуждать эту тему, если ЦК КПСС не дал отмашку. Ни одна газета не могла решиться на такую самодеятельность.

И только молодой и ершистый Евгений Евтушенко своей стихотворной поэмой «Бабий Яр», опубликованной в сентябре 1961-го в

«Литературной газете», прорвал гробовое молчание по поводу Холокоста [25]. А вот сами евреи не поддержали развитие этой темы. Чувствовали, исходя из своего жизненного опыта, что ничего хорошего их от этого не ждет. И точно. Через короткое время после опубликования «Бабьего Яра» главный редактор «Литературки» Валерий Косолапов был уволен. И все понимали, чего именно не простили ему партийные бонзы: конечно, появления на страницах газеты евтушенковской поэмы, «искажившей историю». На встрече с деятелями искусства и литературы 8 марта 1963 г. Н.С. Хрущев поставил точку по этому вопросу: «В ЦК поступают письма, в которых высказывается беспокойство по поводу того, что в иных произведениях в извращенном виде изображается положение евреев в нашей стране... В стихотворении [“Бабий Яр”] дело изображено так, что жертвами фашистских злодеяний было только еврейское население, в то время как от гитлеровских палачей там погибло немало русских, украинцев и советских людей других национальностей... У нас не существует “еврейского вопроса”, а те, кто выдумывают его, поют с чужого голоса» [26].

Нет проблемы, сказал лидер страны. А на нет и суда нет. Занавес.

У нас героем становился не любой

Размышляя об участии евреев в развитии советской журналистики, задумываюсь иногда: а стоит ли вообще говорить применительно к ней о «национальном вопросе»? Ну, родился человек в еврейской семье, жил без отчетливо выраженной идентичности (ввиду сложившихся обстоятельств), выбрал для себя журналистское ремесло. Еврей ли он с точки зрения повседневной реализации – ментальной, духовной, творческой?

Сложно ответить на этот вопрос, по правде говоря. Принадлежность к еврейству (как и к чему-либо иному) у журналиста могла бы всегда ощущаться по текстам. Однако в советских СМИ к евреям следовало относиться с отстраненностью, и по возможности не делать их положительными героями репортажей и очерков. Когда же без таких героев было все-таки не обойтись (в случае каких-то научных, спортивных достижений), то СМИ всегда подчеркивали, что эти люди живут «в братской семье советских народов». С трудом представляю себе чемпионов мира по шахматам Михаила Ботвинника и Михаила

Таля, гения физика Льва Ландау, выдающегося скрипача Давида Ойстраха, думающих в моменты своих уникальных достижений о семье братских народов. Полная чушь...

Но никто тогда не пытался дискутировать по этому поводу. В СССР к концу 1950-х гг. жило, по официальной статистике, 2,1 млн. евреев [27]. Конечно, с «титульной» нацией (русскими) их было не сравнить, но все-таки это не десять тысяч и не двадцать. Евреи добились выдающихся результатов в науке, технике, культуре. Но листая прессу той поры, трудно было встретить сколько-либо значимое число материалов по этому поводу. А те публикации, которые появлялись, изобиловали опять же упоминаниями о какой-то «коллективности» усилий, без которых результаты работы отдельно взятых евреев никогда не стали бы возможными.

В журналистской среде периода хрущевской «оттепели», как и раньше, существовало негласное правило: о евреях говорить поменьше. Исключение делалось лишь в тех случаях, когда евреи совершали что-то противозаконное. И тогда желчь в СМИ расцветала махровым цветом, стиль таких публикаций мало отличался от стиля, распространенного в сталинские годы. Например, 16 января 1962 г. в репортаже о ходе суда по делу дела о незаконном распространении валюты газета «Труд» писала: «На скамье подсудимых из всей гоп-компании меламедов, рабиновичей, зисиановичей и им подобных выделяется один. У него картавая речь, крысиная физиономия, горбатый нос, один глаз косит, взгляд вороватый – это Арон, кто же еще?» [28].

Для критики евреев, кстати, не надо было выискивать что-то особое. В Советском Союзе большое число этих людей занималось индивидуальным трудом: вузовские преподаватели, ученые, деятели искусства, врачи... Вполне достаточно, чтобы при случае бросить тень на человека. Как писали классики марксизма, только в условиях коллективного труда может по-настоящему сформироваться сознание прогрессивно мыслящего человека. Так что советские евреи все время находились в зоне риска.

...Помнится, моя мама, закончившая журфак в 1952 году, рассказывала мне, как представители партийных органов не раз убеждали ее и коллег по редакции в том, почему они должны писать о коллективных начинаниях в разных сферах жизни. В этом случае не возникает соблазна говорить об индивидуальности человека. Все должно быть общим и единым, как учит партия.

В 1960-х гг. маму командировали на какой-то журналистский семинар в Барнаул. Попросили рассказать об опыте работы отдела культуры свердловской «Вечерки», где она работала. В качестве примера мама привела случай из своей практики. Она написала корреспонденцию о конфликте на одном из предприятий. Инженер этого предприятия не согласилась с каким-то решением профкома. Мама встала на ее сторону. Фамилия женщины была то ли Рабинович, то ли Пейсахович. Так что героиня корреспонденции оказалась с еврейскими корнями. После маминого выступления к ней подошел инструктор крайкома партии.

– Очень интересное у вас было выступление, Виктория Александровна, – произнес он. – С одним лишь не могу согласиться – о правоте одного человека в споре с целым коллективом. Вы же знаете: коллектив у нас всегда прав. Так что подумайте на будущее...

В словах инструктора не было угрозы. Он ничего не произнес и по поводу «пятой графы» заводской инженерши. Но очевидным было то, что национальность героини и ее позиция «по поводу» не могли служить хорошим примером для советского читателя.

А папа, в ту пору мастер цеха, активно сотрудничавший с «Вечеркой», решил написать о том, что на его завод пришел скульптор Эрнст Неизвестный делать эскизы для своего будущего панно. Папа хотел рассказать об Э. Неизвестном как о человеке. Но в редакции его попросили не делать этого. «Побольше мыслей о том, как скульптор собирается показать образ рабочего – нашего современника», – инструктировали отца. И он воспринял это с пониманием: ну нельзя – значит, нельзя. Таким и вышел потом этот репортаж: вылизанный и правильный, но унылый и серый. Как и подобало городской партийной газете.

Аграновский и другие

Период хрущевской оттепели лучше всего для меня символизирует памятник «дорогому Никите Сергеевичу», воздвигнутый на его могиле на Новодевичьем кладбище скульптором Эрнстом Неизвестным. По обе стороны от головы Хрущева – мраморные глыбы белого и черного цветов. Они – отражение того, что происходило в тогдашней жизни нашей страны. Единение светлых и темных сторон, определяющих ее развитие.

Мы вроде бы попытались на стыке 1950–1960-х гг. очиститься от наследия сталинизма, но не очень получилось. Сталинская система чуть смягчила тогда свой звериный оскал, но нехотя. Антисемитизм на официальном уровне вроде пошел на спад, а на повседневном продолжал бытовать. Писала обо всем этом советская пресса? Нет, конечно. Не имела полномочий, да и желания тоже. Кто потом подставит плечо какому-нибудь редактору, перейди он негласные «красные флажки»?

До какого-то времени евреи еще могли рассчитывать на заступничество «железного» наркома Лазаря Кагановича. Он как-то даже ставил осторожно вопрос на заседании Политбюро: дескать, давайте примем отдельное постановление об искоренении антисемитизма в стране. Но толку оказалось немного. Хрущев тогда первым махнул рукой: ты что, Лазарь, несешь, у нас же в СССР дружба народов. Оторвись от письменного стола, оглядись вокруг! Неужели не видишь плоды советского интернационализма?! А потом и самого Л.М. Кагановича погнали не только из Политбюро, но и из партии – за неудавшуюся в июне 1957 г. попытку «антипартийной группы», куда входил и «железный нарком», сместить Н.С. Хрущева.

Евреи по-прежнему довольствовались «квотой» при поступлении на работу, в вузы и, конечно, в редакции. Не то, чтобы их совсем не принимали в журналисты, но с осторожностью – как и раньше. На многие сотни периодических изданий того времени вряд ли можно было найти хоть одного редактора-еврея. Даже в многотиражках.

Наверное, единственным исключением из правил стали тогда московские «Известия», которые в 59-м возглавил совсем молодой Алексей Аджубей. Женившись к тому времени на дочери Н.С. Хрущева Раде, он получил своеобразный карт-бланш на все, что делал, и в том числе на подбор кадров. Вмешиваться в этот процесс партийные органы остерегались – все-таки редакторствовал не кто-либо, а зять самого Никиты Сергеевича.

У Аджубея был отличный профессиональный нюх. Не только на хорошие темы, но и журналистов. Это при нем в «Известиях» появился Анатолий Аграновский, чей отец, Абрам Давидович, работал в этой газете еще до войны. В отличие от Аграновского-старшего, его сын был принципиально иным по духу журналистом, несравненно менее конъюнктурным, но куда более неравнодушным к судьбам людей, о которых писал. Спецкором «Известий» Анатолий Аграновский

стал в начале 60-х и проработал в этой газете почти четверть века. Он писал настолько ярко, что равных ему и тогда, при Хрущеве, и потом, пожалуй, не было. Еврей Анатолий Аграновский, без преувеличения, считался «совестью нации».

Его очерки люди моего поколения и старше помнят до сих пор. Каждый из них нес в себе проблемное начало и отличался безупречностью стиля. Аграновский никогда не шел от интересов высших эшелонов власти. Нет, он всегда говорил о том, что по-настоящему цепляло и захватывало. На фоне приглаженности журналистики советского времени его творчество было настоящим: пронзительным, при исследовании критических и проблемных ситуаций, но во всех случаях человеческим.

...Перед тем, как приступить к написанию серьезного материала, я, молодой журналист, начавший работать в газетной редакции в 80-е, всегда брал с полки томик Аграновского. Мысленно стремился войти в такой же стиль повествования, образ мыслей журналистского классика, отвергавшего категоричность и поспешность выводов. «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а кто хорошо думает», – высказался как-то Аграновский. По-моему, эта фраза останется на все времена.

Аграновский не был «разрушителем системы». Он просто оставался гуманистом в ее сухих и закоряченных рамках. Но и этого по тем временам было немало. По стопам Анатолия Аграновского пошли потом «известинцы» Егор Яковлев, Владимир Надеин, Борис Резник... В их очерках, репортажах и фельетонах никогда не встретишь упоминания о своем еврействе. И темы, о которых они писали, были далеки от «национального вопроса». Но то неравнодушие, с которым они подходили к исследованию жизненных вопросов, бесспорно, роднило их с «еврейским взглядом» на жизнь – неуспокоенным, а подчас и осознанно тревожным.

Как закрывали альманах

Противоречивость ситуации в сфере журналистики в годы хрущевской оттепели зримо обозначилась на примере развития литературных журналов того времени.

Н.С. Хрущев поначалу вроде дал добро на духовные свободы, разрешив публикацию в «Новом мире» повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и благосклонно взирая на появле-

ние в эти же годы прозы Василия Гроссмана, Эммануила Казакевича, Анатолия Гладилина и других писателей еврейского происхождения. Все они пришли в литературу с новыми темами, активно выступали против сталинизма – как и сам Н.С. Хрущев. И поэтому до поры до времени вся эта писательская поросль не вызывала беспокойства в эмоциональной душе Никиты Сергеевича.

Но постепенно генсек понял, что такие свободы ни к чему хорошему не приведут. И стал все активнее тормозить их. «Решать-то будет кто? – задавался Хрущев вопросом на одной из встреч с творческой интеллигенцией. – Решать в нашей стране должен народ. А народ – это кто? Это партия. А партия кто? Это мы. Мы – партия. Значит, мы и будем решать. Я вот буду решать. Понятно?» [29. С. 140].

Так и действовали партийные комитеты на всех уровнях. Иногда используя для этого метод «мягкого» давления, чаще – посредством окрика. Подавляя на корню всякое инакомыслие. Да что там инакомыслие! Осуждалось любое нестандартное действие человека или коллектива, несанкционированное «сверху». Но даже если та или иная инициатива находила первоначальную поддержку партийных инстанций, то совсем необязательно, что она могла продолжаться долго. Пример литературно-художественного альманаха «Тарусские страницы» – яркое тому подтверждение.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О литературно-художественных альманахах», поставившее на повестку дня вопрос о важности таких изданий, подвигло Калужское книжное издательство в лице его руководителя Романа Левиты задуматься: а не начать ли выпускать свой альманах? Р. Левита заручился поддержкой Константина Паустовского, уроженца Калуги, и дело пошло. Содержание нового альманаха формировалось довольно быстро. В него вошли стихи Наума Коржавина (Манделя), Бориса Слуцкого, Давида Самойлова, проза русских литераторов – Юрия Козакова, Владимира Максимова и многих других. Осенью 1961 г. «Тарусские страницы» увидели свет. Но вместо 75 тысяч заявленных экземпляров вышла лишь 31 тысяча. Тираж сразу урезали «сверху», видимо, почувствовав угрозу правящей власти. Хотя в чем была эта угроза – пойдешь, догадайся. Впрочем, только один набор имен авторов с «пятой графой» мог вызвать серьезные опасения.

А вскоре начался полный идейный разгром альманаха. В декабре в калужской газете появилась статья «Во имя чего и для кого?». Ее ав-

торы, зав. кафедрой местного пединститута Н. Кучеровский и доцент Н. Карпов увидели почти в каждом произведении отход от социалистической реальности, отсутствие ясных мыслей, абстрактность содержания (так, во всяком случае, прозвучало в их статье) [30].

За первым «разбором полетов» дал о себе знать второй – на сей раз в «Литературной газете». Правда, в статье Е. Осетрова «Поэзия и проза “Тарусских страниц”», опубликованной в январе 1962 г., критика в отношении альманаха прозвучала в несколько завуалированной форме, он даже был назван «привлекательной и умной книгой» [31]. Однако упрек в «неопределенности» позиции составителей и авторов альманаха увидел свет более чем определенно. «Тарусские страницы» выглядели словно «чертом из табакерки», появившимся невсё откуда и оказавшимся вредным советскому обществу и его литературе. Все это привело к тому, что решением бюро калужского обкома партии главный редактор Калужского издательства Роман Левита был изгнан с работы.

Вот такая незамысловатая история – вполне типичная для духа хрущевского времени, противоречивого и временами по-настоящему грустного. Думаю, чиновники потирали ручки от удовлетворения еще и потому, что нашли-таки повод скovyрнуть с редакторского места очередного еврея и показать, кто в доме хозяин.

И какой вывод из всего этого следует? Да не бог весть какой. Пострадали еврейские по происхождению литераторы? Ну, так что, вместе с ними «попали под лошадь» и русские по национальности писатели и поэты, грузин Булат Окуджава, чья повесть тоже нашла место на страницах «Тарусских страниц». Но никого же не расстреляли, никому не дали тюремного срока, не оградили от занятия литературой. Альманах закрыли – эка невидаль. Будто бы раньше ничего не закрывали. Словом, спасибо, родная партия, за твое гуманное отношение к «скромным труженикам пера»!

Это я с иронией, конечно. Но можно и иначе посмотреть. Сталинская система в схожем случае вряд ли кого-то пощадила, а при Хрущеве – ничего, все отделались легким испугом. Так и жили в те годы. Ходя временами по лезвию бритвы и гадая, чем обойдется та или иная ситуация, и обойдется ли вообще. А сам Хрущев, уже после того, как в октябре 64-го был отправлен в отставку, сел втайне от всевидящего гэбешного ока и начал писать мемуары. И в них, между прочим, признал, что был во многом несправедлив к деятелям культуры. И попросил у всех прощения.

Мне очень симпатичен этот поворот в хрущевской душе, пусть и изрядно запоздалый. И как сказал в нашем разговоре скульптор Эрнст Неизвестный, он многое готов простить Хрущеву за его «закрытый» доклад на XX съезде КПСС и, конечно, за признание своих ошибок. Не будь Хрущева, и судьба культуры в СССР той поры могла сложиться по-другому. И судьба советских евреев. И журналистики. Куда трагичнее. Кто знает...

Политинформация, которой не было

...Отчетливо помню с самого раннего детства, еще с конца 1960-х годов, что Израиль вызывал резко негативную реакцию в советской прессе. «Израильская военщина», «израильские подстрекатели войны»... Это лишь два из большого числа негативно окрашенных эпитетов, употребляемых в СМИ в отношении Израиля. О нем писали только худо, называя его «оплотом империализма». В этом словосочетании, транслируемом изо дня в день, таилось что-то ужасно злое.

Израиль изображали и в советских карикатурах, постоянно находивших место на страницах центральной прессы. Каждая западная страна тогда выглядела в качестве определенного образа. США бойкие рисовальщики-пропагандисты представляли в виде богатея со шляпой-котелком и непременно золотой цепочкой, Германию – в виде грозного орла, воинственно глядящего по сторонам и ждущего как бы напасть на очередную жертву – в первую очередь из числа стран «развитого социализма». Франция отчего-то принимала вид несчастной девушки, обслуживающей в качестве официантки того самого богатея в шляпе. А вот Израиль рисовали в виде какого-то уродливого на вид военного или полицейского, держащего в руках иногда дубину, но чаще почему-то ядерную ракету. Считалось, что раз эта страна воюет с арабами, значит, она, конечно, враждебная всему «прогрессивному человечеству». То, что арабский мир постоянно провоцирует, а временами и открыто нападает на израильские территории, развязывая очередную войну, в расчет не принималось.

Иногда отмеченные выше образы трансформировались, но эти запомнились наиболее отчетливо. Они курсировали из издания в издание, включая не только «Правду», «Известия» и журнал «Крокодил», но и «Пионерскую правду». Время от времени эти образы появлялись

даже в детском журнале «Мурзилка» и – что совсем курьезно – в «Веселых картинках», рассчитанных совсем на маленьких читателей – от пяти до десяти лет. Впрочем, пропагандистский запал, по мысли партийных идеологов, должен был проникнуть в сознание всех без исключения советских людей, независимо от их возраста. И детей, конечно, тоже. И делать это надо было «шутейно» и одновременно разяще, чтобы воздействие не наскучило ни большим и ни маленьким читателям.

Официальной пропаганде было необходимо, чтобы образ Израила выглядел как исключительно враждебный. Каждодневная промывка мозгов давала свои результаты: Израиль в сознании большей части советского населения считался чем-то вроде исчадия зла, без малейших возможностей оправиться от этого «рокового недуга».

...В четвертом классе школы классная руководительница попросила меня провести политинформацию. Учился я хорошо, в пионеры меня приняли одним из первых, и теперь мне давалось первое серьезное поручение – рассказать на классном часе о том, как ужасно ведут себя «израильские агрессоры, пренебрегая нормами человеческой морали». Последнюю фразу я хорошо запомнил и поэтому сейчас цитирую ее слово в слово. Наша классная даже снабдила меня вырезками из газет, сказав, что мое выступление должно прозвучать весомо и аргументированно.

Вечером того же дня я сообщил о своем пионерском задании родителям. Мама, помнится, просто не ответила ничего, а вот папа как-то тотчас ушел в себя и напряженно стал всматриваться в старые царапины на нашем кухонном столе. Я сразу понял: случилось что-то не то.

– Не готовь эту политинформацию, – вдруг резко сказал отец.

– Как не готовь? – посмотрела на него мама. – Он же только в пионеры вступил.

– Как не готовь? – выпалил я с недоумением тот же самый вопрос.

– А вот так, не готовь! – ожесточенно выдохнул папа.

Воцарилось молчание. А потом отец встал из-за кухонного стола и ушел, не слова не говоря, в комнату. Даже не сказав маме «спасибо» за приготовленный ужин. Чего с ним никогда не бывало. Я тоже ушел в свою комнату и, оставшись наедине с газетными карикатурами и заметками, обличающими Израиль, не знал, что делать дальше. Мне было тогда десять лет, и я многого просто не понимал. А мама с папой понимали. Но не хотели вести со мной никаких разговоров на эту тему.

Мы все так и жили в те годы, руководствуясь двойной моралью. Мои родители, как люди образованные, неплохо ориентировались в международной обстановке. Однако втягивать меня в провокационные на то время разговоры не хотели. Знали, что проку от них не будет никому. И не хотели возможного раздрая в моей еще несформированной душе.

...А запланированную политинформацию о «происках израильской военщины» я так и не провел. На следующий день после того семейного разговора у меня вдруг поднялась температура, и в школу я не пошел. Ни в тот день, ни на следующий. Мама звонила классной руководительнице и объясняла причину моей неявки на уроки. Так что все обошлось. А если бы не температура, я бы выступил на классном часе? Не знаю, по правде говоря.

Враг не пройдет!

Негативное упоминание Израиля в советских СМИ сопровождало меня и в десять лет, и в тридцать. По-другому и представить было невозможно. Журналисты до середины 1980-х писали об этой стране исключительно критически или с нескрываемым сарказмом. Из СМИ создавалось впечатление, что Израиль постоянно что-то крал у мира: то свободу, то демократию, то идеалы социализма. А чаще всего все вместе и одновременно. Как именно он крал, из заметок и статей понять было решительно невозможно. Они не несли в себе почти никакой фактической информации и содержали лишь огромный объем негативных эмоций, наслаивавшихся друг на друга как слои пышного пирога.

Отсутствие конкретики в газетных материалах объяснялось невозможностью для советских журналистов получить информацию из первых рук. Ввиду отсутствия на тот момент времени дипломатических отношений между СССР и Израилем ни один из собкоров центральных СМИ не имел возможности въехать на территорию Израиля, взять интервью у его политиков. Поэтому все телерепортажи и газетные корреспонденции готовились на основе фактов, добытых из зарубежных источников. Отсюда нестыковки и притянутость за уши этих фактов. Впрочем, если бы возможность проинтервьюировать израильского политика все-таки оказалась, боюсь, что толку было бы мало. Выслушивать мнение политического врага никогда не было в

традициях советской журналистики. Предполагалось, что врага требовалось подвергать лишь презрению.

Между тем, официальный Советский Союз и его СМИ не всегда воспринимали Израиль с пренебрежением. Когда в 1948 г. ООН приняла решение о создании израильского государства, отношение советской прессы к нему было исключительно положительным. Это объяснялось одним: руководство СССР активно поддержало идею появления Израиля, рассчитывая на то, что тот станет советским форпостом на Ближнем Востоке. Сталину очень хотелось укрепиться в этом регионе, реализуя тем самым свои амбиции на мировое господство как вполне законное после Второй мировой войны. По этой причине и советская пресса на первых порах поддерживала Израиль. Например, в ходе первой войны 1948 г., развязанной против него соседними арабскими государствами, «Правда» недвусмысленно отмечала, что «советская общественность не может не осудить эту агрессию» (29 мая). Схожая мысль была повторена «главной газетой» Советского Союза неоднократно. 14 октября 1950 г. «Правда» подчеркивала, что Израиль занял прочное место среди стран, борющихся за дело мира.

Такая позиция объяснялась тем, что СССР имел на Израиль не только политические, но и экономические виды. Считалось, что недра Святой земли содержат большой объем природных ресурсов: нефть, газ и многое другое. И изъятие всего этого в пользу Советского Союза, по существу, во многом давшего Израилю право на существование, является делом справедливым. Но этим надеждам не суждено было сбыться – израильская земля, в отличие от соседних арабских стран, оказалась пустой. Да и сам Израиль практически сразу же после создания стал все активнее дрейфовать в сторону США и других западных стран. К началу 1950-х гг. это стало особенно заметным, что сильно задевало Сталина, который считал поведение Израиля предательским по отношению к СССР, обеспечившему его создание. Отсюда тональность советских СМИ, которая постепенно становилась все более нетерпимой к Израилю. 15 мая 1952 г. в «Правде» появился отчет с очередного заседания ООН, где отмечалось, что речь израильского представителя изобиловала «нападками» на соседние арабские государства. А на следующий день, 16 мая, «Правда» сообщила уже о единстве израильских и американских интересов.

В марте 1953 г. в «главной газете» страны получили прописку слова «сионизм» и «сионисты». Последние, как явствовало из содержа-

ния заметок и корреспонденций, убивают представителей мирного арабского населения. При этом в материалах зачастую отсутствовала какая-либо конкретика, подтверждающая эти высказывания.

В свою очередь, осенью 1956 г. советские читатели увидели на страницах центральной прессы обращенный к израильским «агрессорам» призыв: «Руки прочь от Египта!». Та же «Правда» указывала на зверства, чинимые Израилем совместно с Англией и Францией, в отношении «ни в чем не повинного населения» этой страны (10 нояб. 1956 г.). Спустя месяц, 17 декабря 1956 г., в заметке «На Суэцком канале» «Правда» впервые употребила словосочетание «израильская военщина». Тогда же в советской прессе появился и другой термин – «оккупированные территории», имевший сугубо негативный оттенок. Хотя было понятно, что эти территории оказались у Израиля в результате освободительной войны за независимость, советская пресса не хотела признавать этого факта. Сама ситуация выглядела противоречивой: советские СМИ не оспаривали причинно-следственных связей конфликта 1948 г., но не могли согласиться с его результатами. Неприязнь к Израилю только возрастала, и в сознании большинства советских людей Израиль все более ассоциировался с образом страны-агрессора.

Стоит ли подробно говорить, что все это способствовало развитию в СССР негативного отношения к евреям. Как к израильским, так и к советским. В Советском Союзе антисемитские настроения, как на уровне государственной власти, так и в широкой социальной среде, существовали давным-давно. Поэтому резко негативное отношение к Израилю, проявившее себя в СМИ в 1950–1980-е гг., органично вписывалось в этот контекст.

«Литературка» и ее обитатели

Как уже отмечалось, приток евреев в СМИ контролировался на протяжении всего советского времени. Пожалуй, единственным изданием, ставшим исключением на общем фоне, оказалась еженедельная «Литературная газета».

Начало ее существованию было положено еще в 1947 г. Правда, тогда нечего было думать о каком-то особом «лице» этого издания. Если не считать того, что ее сотрудники целенаправленно освещали жизнь Союза писателей СССР. Изменения обозначились с начала

60-х, когда к руководству «Литературки» пришел еврей Александр Чаковский, в дальнейшем Герой Соцтруда и вообще обласканный за свою писательскую деятельность всеми мыслимыми и немыслимыми наградами. Он пробыл на редакторском посту вплоть до 1988 г., что было едва ли не рекордным показателем за всю историю советской прессы.

Если писателем А. Чаковский был неплохим, то редактором он стал, без преувеличения, выдающимся. Различными путями ему удалось собрать вместе профессионалов экстра-класса – Юрия Роста, Евгения Богата, Аркадия Ваксберга, Анатолия Рубинова, Ольгу Чайковскую, Иону Андронova, Виктора Веселовского. В редакции «Литературки» были, конечно, разные по национальности сотрудники, но евреев здесь оказалось намного больше, чем в любом другом издании того времени. Как удалось А. Чаковскому разрушить привычную кадровую политику редакции? Он вообще-то был человеком хитрым и мыслил на несколько шагов вперед по сравнению с партийными бонзами. А поскольку «Литературка» формально была органом Союза писателей СССР, то А. Чаковскому удалось убедить Старую площадь (где находился ЦК КПСС) в том, что и кадрами тоже должна заниматься сама редакция.

Ничего бы этого не случилось, если бы «Литературка» оказалась заурядным изданием. Но главреду удалось сделать ее одной из лучших газет страны, причем уже за первые годы своего пребывания в этом кресле. И это несмотря на то, что Чаковский слыл расчетливым конформистом. Он до глубины души боялся окриков из ЦК партии, и поэтому, почувствовав малейшую опасность, незамедлительно «сдавал» своих журналистов. Но при этом А. Чаковский был необычайно самолюбив. Ему нравилось выглядеть смелее других редакторов – в том случае, если «Литературка» бралась за освещение какой-либо темы.

Партийным начальникам было важно показать Западу, что в Советском Союзе царит демократия и свобода слова. И поэтому они разрешали «Литературке» писать о том, чего не позволялось ни одной другой редакции. И хотя высказался как-то Виктор Перельман, в то время редактор отдела информации, о том, что «все подлинное, существовавшее в русской литературе, не имело отношения к “Литературной газете”» [32. С. 186], это все же было не совсем так. В мае 1978 г. в газете был опубликован, например, очерк Аркадия Ваксберга

«Баня», где рассказывалось о функционировании закрытой бани для высокопоставленного начальства в Чебоксарах, ставшей местом формирования разветвленной коррупции [33].

Благодаря появлению время от времени таких смелых на тот момент времени очерков и статей, создавалось ощущение, что СССР постепенно становится свободнее в постановке проблемных тем. Все это, конечно, было ширмой для простаков. В тогдашнем Советском Союзе априори ничего не могло измениться – по причине заскорузлости всего общественного механизма. Тем не менее «Литературка», возглавляемая А. Чаковским, продолжала публиковать острые материалы, в первую очередь на судебно-правовую тему. А еще силами того же Анатолия Рубинова проводились журналистские эксперименты, доказывающие плохую работу то почтовой службы, то системы торговли, то железнодорожного транспорта. Темы всякий раз находились по-настоящему интересные, волнующие аудиторию, и раскрывались они посредством добротной публицистики. Евгений Богат, помимо судебных очерков, регулярно публиковал на страницах «Литературки» исторические и портретные эссе, которыми, без преувеличения, зачитывалась вся страна.

Журналистское мастерство авторов газеты привели к невиданному росту ее тиража: от 300 тысяч экз. в первой половине 1960-х до 6,5 млн экз. в конце 80-х [34].

...С каким интересом, еще учась в школе, я брал в руки каждый номер «Литературки»! Подписка на нее была ограничена, но моя мама-журналист получала возможность выписать эту газету всегда. И совсем еще не помышляя тогда о поступлении на журфак, я досконально вчитывался в последние восемь страниц из 16, где как раз и находили место умные и проникновенные публикации. Меня никто не заставлял это делать, просто читать все это было действительно интересно. И потом, много лет спустя, я не раз обращался к книгам Ваксберга, Богата, Рубинова. В них пульсировали мысли и чувства, что и по сей день является непреложной ценностью для любого текста.

Когда я задумываюсь об огромной популярности «Литературки» того времени, то в числе главных причин отмечаю недожинный талант еврейских по национальности публицистов и писателей, работавших здесь. Не хочу принижать заслуги всех остальных сотрудников – без них бы той «Литературки» тоже не было. Но все же «первую скрипку» сыграли в этом издании те люди, которых отметил выше.

Их публикации стали по-настоящему творческим явлением советской эпохи, сделавшим ее куда более сложным социально-политическим и культурным феноменом, чем подчас кажется сегодня.

«Представить себе, – писал А. Ваксберг, – что десятки миллионов людей просто стали жертвами массового психоза, вряд ли возможно. Значит, было нечто такое, что заставляло тянуться к этим страницам самых разных людей... И я в точности знаю что: искренность, увлеченность, интеллигентность, нетривиальность взгляда... уважение к читателю. Никто не выдавал свое мнение за истину в последней инстанции» [35. С. 191].

В современной России, увы, не осталось таких изданий. Сегодня в них процветает политическая ангажированность, не терпящая возражений, категоричность суждений, нетерпимость к инакомыслию. Обновилось время, сменился и вектор журналистской деятельности. Но мне кажется, что все пошло кувырком еще и потому, что в редакциях совсем не стало евреев. Одни эмигрировали, другие ушли в мир иной... Редакционные коллективы не стали меньше по численности, а вот их профессиональная культура явно упала, и не только по причине прессинга со стороны властных структур. Исчезла основательность журналистского мышления, понимание того, что в центре внимания должен находиться обычный человек с его мыслями и проблемами. Все это сполна присутствовало в сознании публицистов «Литературки», уважавших своего читателя. Евреи, как известно, это люди, которые чаще всего не бывают равнодушными к окружающему их миру, стремясь по мере сил менять его. И евреи – сотрудники «Литературки» – стали именно такими.

Диссиденты и их «Хроника»

Нередко задумываюсь: почему в 1960–1970-е гг. именно евреи начали активно выражать свое недовольство по поводу существовавшей тогда в Советском Союзе политической системы? Среди критически настроенных людей были, конечно, люди многих национальностей. Диссидентское движение существовало не только в Москве и Ленинграде, но и в Киеве, Ташкенте, в прибалтийских республиках. Тем не менее именно евреи составляли наиболее заметную его часть.

Казалось бы, это никак не вписывается в их предшествующий опыт. Разве не евреи верой и правдой служили советской системе в

сталинские десятилетия? Разве ни они составляли добрую половину руководящего состава ЧК-НКВД, пачками подписывающего смертные приговоры ни в чем не повинным людям? И не евреи ли с готовностью втолковывали эти решения населению страны через центральную печать, входя в «золотую когорту» советских журналистов?

На все эти вопросы можно ответить лишь утвердительно. Однако в период хрущевской оттепели именно евреи стали проявлять наиболее активное недовольство тогдашней советской политикой по всем направлениям ее развития. Мне кажется, многое в этом раскладе объясняется ярко выраженным стремлением представителей еврейского народа к справедливости. Евреи-диссиденты могли не читать Тору, но на генетическом уровне наследовали многое из того, что там написано. Например, ответственность не только за себя, но и за других людей, живущих на земле: «И Господь превознес тебя ныне, чтобы был ты Ему особым народом, как Он говорил тебе... И чтобы был ты народом святым у Господа, Бога твоего, как Он говорил».

Все это кому-то покажется утопичным, но именно данная идея – создать человека одухотворенного, ответственного не только за себя, но и за других – красной нитью проходит через Тору и другие религиозные еврейские книги. Их содержание отчетливо подтверждает: евреи издревле мечтали о том, чтобы восстановить равные отношения друг с другом и привести весь уклад еврейской национальной жизни в соответствии с высшими принципами справедливости. О том же самом, по существу, писал Шолом-Алейхем, выводя свой знаменитый грустный образ Тевье-молочника. Схожую мысль можно встретить у теоретика сионизма Владимира (Зеева) Жаботинского в его мемуарах «Повесть моих дней», написанных в 1930-е гг.

Как уже отмечалось, евреи пошли в русскую революцию именно потому, что не видели в царском режиме гуманного отношения к себе и другим народам. И диссидентские настроения евреев много позже, уже в 1960-е гг., возникли все по той же причине – ощущения несправедливости, которую демонстрировала советская система по отношению к ею же провозглашенным принципам и просто к обычным людям.

Именно об этом писал Григорий Померанц, размышлявший в своих философских эссе, ходивших по рукам, о нравственном облике советской политики [36]. Но при этом вынужденный в 1970-е гг. публиковаться только за границей, Г. Померанц полагал, что идеи социализма по-прежнему не изжили себя. С них просто необходимо стрях-

нуть все лживое, наносное. Многие тогдашние диссиденты поддерживали эту идею. Советской политике, по их мнению, необходимо стать ближе к человеку, чтобы реализовать на практике общественные свободы, в том числе и свободу СМИ.

Большинство советских евреев не были верующими людьми и никогда не ходили в синагогу. Но они интуитивно ощущали необходимость поступать в соответствии с канонами своего духовного идеала. Именно этим объясняется открытость их высказываний. Можно вспомнить, например, литературного критика Михаила Лифшица, на протяжении многих лет сотрудничавшего с журналом «Новый мир» и применительно к литературе поднимавшего тему поиска идеального героя [37].

Вместе с тем некоторые евреи пошли еще дальше, отстаивая в конце 1960-х гг. уже ярко выраженные диссидентские идеи и используя для этого самиздат. Самиздат, возникший в стране в то время, был неоднороден. Во-первых, он представлял собой листовки, содержавшие преимущественно лишь факты, даваемые без комментариев. Во-вторых, выходили непритязательные по внешнему виду сборники журнального типа, такие, как «Феникс-61», «Феникс-66» и «Синтаксис», редактируемые Александром Гинзбургом и Юрием Галансковым. Наконец, время от времени появлялись общественно-политические газеты или журналы, выходившие с определенной периодичностью и более или менее в строгом формате. Их внешний вид тоже был более, чем скромным и напоминал скорее информационные бюллетени правозащитного содержания. Но в тогдашних подпольных условиях, в которых действовали диссиденты, о лучшем качестве изданий говорить не приходилось.

Таким журналом и стала «Хроника текущих событий», первый номер которой появился в Москве в апреле 1968 г. под редакторством Натальи Горбаневской. Будущую активную участницу диссидентского движения в СССР Н. Горбаневскую в свое время дважды исключали из МГУ с формулировкой «за недостойное поведение». Поводом для этого всякий раз становились подписываемые ею письма-протесты, критикующие советскую власть. Н. Горбаневская возглавляла «Хронику» вплоть до августа 1968 г., когда вместе с другими правозащитниками евреями Ларисой Богораз, Виктором Файнбергом, Павлом Литвиновым и их единомышленниками вышла на Красную площадь, протестуя против ввода советских войск в Чехословакию.

Все участники этой акции были осуждены на длительные сроки заключения. (Для Н. Горбаневской суд сделал исключение, ввиду наличия у нее двух малолетних детей).

Машинописная «Хроника» выпускалась на квартире историка Петра Якира раз в два месяца и сообщала о нарушениях прав человека, внесудебных преследованиях и всякого рода гонениях на инакомыслящих. В каждом номере издания появлялась рубрика «Политические репрессии». В конце 1960-х «Хроника» была, по существу, единственным источником информации об этих фактах. Несмотря на свою активность и смелость, диссиденты не могли рассчитывать на массовую поддержку в советском обществе. Оно попросту не было способно разделить их по-настоящему революционные на тот момент времени идеи. И поэтому молчало.

После ареста Натальи Горбаневской редактором «Хроники» стал Анатолий Якобсон. Благодаря ему журнал по-прежнему выходил на регулярной основе. Вплоть до ареста самого А. Якобсона...

Конечно, названное издание не было профессиональным. Оно выпускалось во многом по наитию, страдало несовершенством содержания, отсутствием строго заданной верстки. И все-таки «Хроника текущих событий», бесспорно, стала символом времени. И евреи стали активными участниками ее создания и развития.

Мне иногда становится грустно, что вся эта картина разворачивалась без моего участия. Я никого не знал лично из этих людей. Но их жизнь подтверждает: даже в самых тяжелых ситуациях, невзирая на все испытания, можно оставаться людьми – в высоком смысле этого слова. И пример их бытия и мыслей, бесспорно, помогает мне сегодня, спустя полвека – особенно в те моменты, когда становится тяжело на душе.

«Дело “Метрополя”»

Не знаю, могло ли развитие диссидентской, выходившей нелегально печати оказаться столь стремительным, отнесись советская власть чуть мягче к инакомыслию. Эта пресса как раз и появилась вследствие того, что ни один текст в тогдашних СМИ не мог выйти без предварительной цензуры. Цензоры могли вести себя с авторами интеллигентно, но суть от этого не менялась. Сколько сценариев, повестей, стихов залеживалось на полках уже в поздние годы существо-

вания советской власти только на том основании, что цензура под самыми разными предлогами не давала им ходу.

Судьба литературного альманаха «Метрополь», вышедшего в 1979 г., – отчетливое подтверждение того, как относилась советская власть к нестандартным формам художественного творчества.

Название альманаха, отмечал много лет спустя один из его авторов, писатель Василий Аксенов, имело несколько смыслов. «Прежде всего – это столица, мать городов, стало быть, Москва как наш непреходящий духовный центр. Во вторых, “Метрополь” – это гостиница, крыша над головой для бездомной литературы. И третье – иронический смысл, связанный с метрополитеном... Писатели пытаются отстоять автономию литературы, ну скажем, хотя бы отделить литературу от государства, как церковь. “Метрополь” тоже был выражением этой борьбы» [38. С. 440].

Внешне, кстати, эта борьба проявила себя слабовато. Лишь в отдельных произведениях присутствуют не очень ясные полутона-полунамеки. Но и это цензура с самого начала воспринимала подозрительно. Как и набор авторов, отдавших в «Метрополь» свои произведения. Поэты Семен Липкин, Инна Лиснянская, Юз Алешковский, Евгений Рейн, Владимир Высоцкий, сатирик А. Арканов, прозаики Генрих Сапгир и Фридрих Горенштейн. Макет альманаха был разработан театральным художником Давидом Боровским, фронтиспис оформил Борис Мессерер, оформителем выступил тоже художник Анатолий Брусилковский. Показательный набор имен...

Среди авторов «Метрополя» были, конечно, не только авторы с «пятой графой»: Андрей Вознесенский, Евгений Попов, Фазиль Искандер и другие. Редколлегия отбирала писателей и поэтов, исходя в первую очередь из их способностей, а не национальной принадлежности. Но получилось именно так, как получилось. Что лишний раз подтвердило: талантливая советская литература конца 70-х во многом создавалась с участием евреев.

Делался альманах на квартире Евгении Гинзбург, матери Василия Аксенова, ставшей позже автором пронзительного по своей сути «Крутого маршрута». В итоге самодельный «Метрополь» оказался, как отмечал потом писатель Анатолий Рыбаков, «прорывом в бесцензурную печать», попыткой утверждения святого права для каждого автора – «писать свободно» [39. С. 261]. Сегодня, спустя сорок лет после выхода «Метрополя» его содержание не воспринимается рево-

люционным. Были там разные произведения, в том числе не бог весть какие художественные, а некоторые и просто не очень интересные. Но что нельзя сбрасывать со счетов, так это отчетливое желание каждого автора писать без оглядки на устоявшиеся правила и авторитеты.

Реализация этого права в первую очередь и вызвала переполох в Союзе писателей СССР. Несмотря на свое «общественное лицо», формально не обличенное какими-то административными притязаниями, этот творческий Союз, как и любой иной, контролировал политическую благонадежность своих членов. Всякая их самостоятельность вызывала ярко выраженную неприязненность у чиновников от литературы, тотчас сигнализовавших в партийные инстанции. «Эстетизация уголовщины» – такую однозначную характеристику дал «Метрополю» в газете «Московский литератор» тогдашний секретарь писательского Союза Феликс Кузнецов. И добавлял, что все содержание альманаха «противоречит корневой гуманистической традиции русской советской литературы». А известная поэтесса Римма Казакова говорила еще жестче: «это мусор, а не литература, что-то близкое к графомании» [40. С. 17]. Вот так, не больше и не меньше.

Еврейские по происхождению литераторы, опубликовавшие свои прозу и стихи в «Метрополе», на самом деле не ставили перед собой никаких политических задач. Просто потому, что были далеки от этого. Они бы очень удивились, если бы перед выходом альманаха им сказали, что они покушаются на духовные основы советской власти и общества или принижают значимость культуры советского народа. Но едва ли не каждому из них сказали именно это – на внеочередном заседании правления Союза писателей СССР, где «Метрополь» подвергся жесточайшему разгрому [41]. Его осудили все выступавшие – добротные писатели Григорий Бакланов, Сергей Залыгин, Владимир Карпов. Но еще грустнее становится, когда видишь среди тогдашних критиков альманаха еврея Александра Борщаговского, который в конце 40-х стал одной из многочисленных жертв кампании по борьбе с безродным космополитизмом, известного детского писателя Анатолия Алексина (уже на склоне лет обосновавшегося в Израиле). Все они вставали со своих мест друг за другом и размазывали по стенке своих собратьев по перу. Видимо, напрочь забыв слова Торы: «Когда надменным станет сердце твое, то забудешь Господа, Бога твоего, выведшего тебя... из дома рабства».

Впрочем, до духовного ли смысла было тогда этим критикам... Классовая и партийная солидарность не приемлет национального

примирения и элементарного человеческого соучастия. Тем более, что это соучастие не приносило дивидендов. А вот классовое чутье приносило всегда. Что и предопределяло позицию большинства советских писателей. «Дело “Метрополя”» это очень хорошо подтвердило.

Разговор с учительницей

Во второй половине 70-х, в средних классах, я уже вовсю приставился к газетам. К этому времени я вступил в комсомол, и родители справедливо решили, что «Пионерская правда» мне больше не нужна. Теперь в наш почтовый ящик ежедневно приходила «Комсомольская правда».

Сегодняшнюю «Комсомолку» если что и роднит с той, прежней, 40-летней давности, так это лишь название и профили орденов, помещенные на первой странице, которыми она в свое время была награждена. Во всем остальном это совсем другое издание. «Комсомолка» моей юности была по-настоящему серьезной газетой. Читать ее было интересно прежде всего по причине высокого качества многих публикаций, создаваемых крепкими журналистскими перьями. Здесь работали Валерий Аграновский (младший брат Анатолия Аграновского), Василий Песков, Инна Руденко, Ольга Кучкина... Всех и не упомнишь.

Все это, впрочем, не мешало «Комсомолке» быть в авангарде политической пропаганды, транслируемой из всех советских СМИ. Эта пропаганда распространялась, конечно, и на международную тематику. Политических и классовых врагов у СССР на тот момент было множество, так что гневные журналистские стрелы метались бойко.

Об Израиле «Комсомолка» писала много, стремясь из номера в номер опорочить его. Предметом критики была израильская политика в отношении соседних арабских стран. Создавалось ощущение, что если не сегодня, то завтра Израиль непременно их завоюет. Особенно доставалось лидерам Израиля. В 70-е гг. друг друга по очередности сменяли на должности премьер-министра Голда Меир, Ицхак Рабин и Менахем Бегин. «Комсомолка», подобно всей остальной советской прессе, худо отзывалась обо всех трех. Несмотря на то, что все они занимали несхожие политические позиции и по складу характера были совсем разными людьми. Но «Комсомолку» это не волновало. Раз

из Израиля – значит, ничего хорошего от них ждать не приходится. Попутно доставалось и израильскому населению, которое, вместо того, чтобы дать отпор своим лидерам как «пособникам войны», занималось «пропагандой империализма» и «подстрекало другие народы к международной войне».

Я ничего не придумываю. Именно такие фразы частенько звучали на страницах главной молодежной газеты страны, которая по уровню агитпропа мало чем отличалась от всей остальной центральной печати. Не могу сказать, что в детстве я только и делал, что задавал взрослым вопросы. Но все-таки эти фразы, кочующие в «Комсомолке» из номера в номер, не оставляли меня равнодушным. Мне только было непонятным: как все без исключения жители страны могли заниматься «пропагандой империализма»? Они что, не работали? И вообще, империализм в моем комсомольском сознании был связан главным образом с США. А Израиль – такой маленький. Что он может сделать для развития самых вредоносных идей?

С этими вопросами я, совсем наивный в ту пору, отправился в школу, к учительнице истории. Мне она всегда казалась рассудительной. Историчка внимательно посмотрела на меня:

– А я думала, что ты уже повзрослел, Дима. Стал комсомольцем, а задаешь такие странные вопросы. Ты что ничего не слышал о захватнических планах Израиля?

Мне было неудобно сознаться в своих сомнениях, поэтому я промолчал.

– А планы у него большие, – продолжила историчка. – Израиль готовится к войне и собирается подчинить себе весь Ближний Восток. Теперь ждет для этого удобного случая.

– А когда он наступит? – спросил я.

– В любой момент. От Израиля можно всего ожидать. Ты, видимо, вообще плохо газеты читаешь, да?

И историчка как-то неодобрительно посмотрела на меня. А потом добавила, что скоро у нас в классе ленинский зачет. «Буду спрашивать всех строго, а тебя в особенности – про международную обстановку на Ближнем Востоке. Ты все понял?»

Я утвердительно мотнул головой. На том и завершился наш разговор. Больше у меня никогда не возникало желания спрашивать о чем-то мою учительницу. Мне никогда не нравились люди, отстаивавшие свою правоту в категоричной форме. Плохо представляя в то время

реальную ситуацию в Израиле, я, тем не менее, интуитивно ощущал: вести с историчкой разговор о политике – это, следуя словам классика, все равно, что накушаться гороха.

Ее давно уже нет на белом свете, моей учительницы. А если бы она была жива, то как бы отнеслась сегодня к моему желанию перебраться в Израиль? Тоже, как к «подстрекательству к войне»?

В 8-м классе, читая «Комсомолку», я и не думал, что, спустя несколько десятилетий, начну жизнь в той самой стране, которая являлась когда-то «пособником империализма». Как не мог представить, что моя любимая газета может врать. А она врала на полную катушку. Во всяком случае, в отношении Израиля – точно. Врала, как и вся советская пресса. Но всего этого я тогда в силу возраста не понимал. Наверное, это хорошо. Потому что иначе я бы не стал поступать через несколько лет на журфак. И о том эпизоде вряд ли вспомнил бы сейчас тоже.

Когда вмешался горком

В детстве и юности мое восприятие евреев ограничивалось только родственниками и теми, кто приходил в гости к моим родителям. Это были интеллигентные люди, прекрасные рассказчики, обладавшие к тому же хорошим чувством юмора. Их всех было не просто приятно – очень интересно послушать. Некоторые из этих людей в свободное время сотрудничали с местной прессой. В советское время в тогдашнем Свердловске, ставшем позже Екатеринбургом, как и во всех городах-миллионниках, выходила лишь одна городская газета. Она так и называлась «Вечерний Свердловск».

Мама заведовала в «Вечерке» отделом культуры, литературы и искусства. Время от времени она звонила профессору Льву Когану и доценту Валерию Паверману, работавшим в Уральском госуниверситете, с просьбой подготовить для газеты очередную рецензию. Они касались чаще всего нового спектакля или кинофильма, благо с премьерными постановками или новыми фильмами проблем в нашем культурно ориентированном городе никогда не было. По опыту работы с этими авторами мама знала: качество материалов будет на высоте. И Л.Н. Коган, и В.М. Паверман откликались на такие предложения с большой заинтересованностью, все-таки газета в ту пору что-то значила. Довольными в этом случае оставались обе стороны. Не в очень большом восторге от всего этого был лишь горком партии.

Как-то, сняв в очередной раз телефонную трубку, мама услышала на том конце провода голос секретаря по идеологии. Маму попросили срочно подойти в горком.

– Не очень как-то хорошо строится ваша работа, Виктория Александровна, – начал с ней разговор главный идеолог города.

– Вы о чем? – спросила мама.

– Ну как же... Мы провели анализ работы вашего отдела. Странная картина получается. Число авторов с еврейскими фамилиями у вас больше половины.

– Так вы тоже напишите рецензию или информацию на тему городской культуры, мы и вас опубликуем, – нашлась мама. – Если хотите, давайте обсудим тему.

Но по лицу секретаря горкома было видно, что он не собирался ничего писать. Разговор после этого как-то быстро сошел на нет, и больше с мамой на эту тему никто в горкоме не разговаривал. Так что ее нештатные авторы продолжали приносить в «Вечерку» свои заметки. Они, по-моему, так никогда и не узнали о том памятном для мамы разговоре.

...В последние годы жизни, будучи на пенсии, мама нередко вспоминала о своей журналистской работе. Без пиетета, поскольку была убеждена, что то время безнадежно ушло в прошлое. Тем не менее, о многих эпизодах многолетней давности она рассказывала в деталях, как будто они произошли вчера. Коснулись как-то и того разговора в горкоме партии. «Знаешь, – поделилась со мной мама, – я и сама понимала, что для сотрудничества с газетой надо привлекать разных людей. Но для меня всегда было важным, в какой мере человек может нестандартно мыслить, имеет ли он свое мнение. С этих позиций и шел подбор авторов. А уж о национальной принадлежности точно никогда не задумывалась».

Я верю этому. Найти для сотрудничества с газетой нестандартно думающего человека – это всегда трудно. Но что поделать, если эти люди в бытность маминой работы часто оказывались авторы еврейского происхождения. С кого спрашивать за это? Не с кого, кроме Всевышнего...

Подфартило

Мне повезло: ни в школе, ни в вузе, ни в годы работы в редакции я никогда не сталкивался напрямую с антисемитскими выпадами. На

журфаке Уральского госуниверситета, который во все времена считался идеологическим факультетом, «еврейской темы» в годы моей учебы (в конце 70-х и первой половине 80-х гг.) попросту не возникало. Ни в повседневном общении, ни тем более на лекциях или семинарах. Одним из наиболее уважаемых преподавателей журфака в ту пору был Борис Самуилович Коган, у которого учились почти все сотрудники факультета. Мне кажется, его присутствие в этих стенах исподволь определяло культуру восприятия многих вопросов, в том числе и того, о котором сейчас пишу.

Правда, общая обстановка, царившая тогда в стране, не позволяла свободно обсуждать все вопросы. Как-то на семинаре по истории КПСС (был такой обязательный в то время предмет на первом курсе) мне хотелось рассказать о противоречиях между В.И. Лениным и БУНДом – партией, считавшей себя единственным представителем интересов еврейского рабочего класса. Но постеснялся, решив, что преподаватель может меня не так понять. Все-таки общая обстановка в то время гасила такие инициативы. Но факультет тут был ни при чем.

И в редакции городской газеты в Первоуральске, где мне довелось проработать почти шесть лет после окончания журфака, я никогда не ощущал, что моя принадлежность к еврейству что-то значит. Не помню, чтобы на редакционной планерке, где обсуждались темы и герои будущих материалов, «еврейский вопрос» хотя бы раз становился предметом обсуждения. На многочисленных предприятиях этого промышленного города трудилось тогда немало инженеров-евреев, были среди них и начальники отделов. Об этих специалистах наша газета писала не больше, но и не меньше, чем о людях других национальностей. Журналисты регулярно брали у них интервью. Разговаривать с большинством из них было приятно – по тем временам их уровень общей культуры привлекал к себе. Эти беседы позволяли воспринимать окружающую жизнь на основе здравого смысла. Что для меня, в ту пору совсем «зеленого» журналиста, было в известном смысле и хорошей школой жизни.

Уже много позже мне доводилось читать о том, что в других регионах Советского Союза журналисты с еврейскими корнями чувствовали себя много хуже, чем на Урале. Этому можно верить. Межнациональная обстановка в тогдашнем Свердловске (будущем Екатеринбурге) и области была не в пример лучше, чем на Украине или в Прибалтике. На Урале испокон веку селились люди многих национально-

стей, и межнациональной вражды не ощущалось, во всяком случае, явно. Даже в Москве и Ленинграде в 1980-х гг., о чем читал позже, было куда больше антисемитских всплесков, чем на Урале. Но живя вдалеке от Москвы и иных российских окраин, я полагал в течение длительного времени, что проблема межнациональных отношений вообще и антисемитизма в частности не была в стране такой острой. Это потом, уже в 1990-е гг., читая о советском времени, отчетливо понял, как сильно я тогда заблуждался. Так что, в известном смысле, подфартило.

...А стране было не до евреев

Советская власть формально завершила свое существование в 1991 г. Но движение к этому началось шестью годами раньше, в апреле 85-го, когда тогдашний генсек ЦК КПСС М.С. Горбачев провозгласил курс страны на перестройку и гласность. Он хотел, по его признанию, подтолкнуть страну к экономическим изменениям, а для этого требовалось убрать зоны, закрытые от критики, «чтобы преумножать хорошее, а с плохим вести борьбу» [42. С. 2]. Горбачев видел в этом необходимое условие для промышленного рывка СССР, который в эти годы уже двумя ногами находился в состоянии стагнации. В какой эйфории находились тогда советские люди, получившие, наконец, возможность заговорить открыто о том, что никогда прежде не получало должной огласки! «Еврейская тема» оказалась как раз об этом.

...Хорошо помню телемосты, которые вели во второй половине 80-х гг. советский тележурналист Владимир Познер и его американский коллега Фил Донахью. Они отличались остротой поставленных вопросов, возможностью каждому, кто присутствовал в студиях по разные стороны океана, высказаться по тому или иному поводу. В одной из этих передач в московской студии оказалась группа очень пожилых евреев, которые вслух признали, что давно мечтают уехать в Израиль, а советские власти чинят им на этом пути препятствия. Услышав это, я чуть ли не подпрыгнул в кресле: ну надо же! То, что все это звучало вслух, было на тот момент совершенно необычным.

В памяти осталась и другая телепередача – «До и после полуночи», ведущим которой был журналист Владимир Молчанов. В интеллигентной, если не сказать аристократической, манере, так несвой-

ственной тогда большинству наших телеведущих, он каждую неделю рассказывал о «белых пятнах» отечественной истории и культуры. А те стали открываться на тот момент с необычайной быстротой. Один из сюжетов был посвящен еврейской репатриации как сложному, во многом противоречивому явлению общественной жизни. В студии тогда находились те, кто уехал в Израиль за несколько лет до этого (их имена за давностью лет, признаться, забылись), и делились тем, что им довелось испытать и ощутить. А еще В. Молчанов приглашал выдающихся деятелей зарубежной и советской культуры – евреев по происхождению. Он беседовал с американским пианистом Владимиром Горовицем, всемирно известным скрипачом Иегуди Менухиным, поэтом-эмигрантом Наумом Коржавиным, скульптором Эрнстом Неизвестным. Всех и не упомнишь...

Сегодня мне кажется, что тогдашняя советская аудитория оказалась не в состоянии переварить столь масштабный объем информации, который нежданно-негаданно обрушился на нее, как тайфун. На протяжении многих лет в ее сознании вообще отсутствовали «белые пятна», все было понятным: как жить, к чему стремиться, что ожидает всех нас в перспективе. По правде сказать, росказням записных советских пропагандистов мало кто верил, но были определенные правила игры, которым следовали. А тут вдруг оказалось, что мир во многом иной, чем представлялся прежде.

Поначалу все это воспринималось с интересом, но тяга к новым темам прошла очень скоро. Как выяснилось, их появление не облегчило саму жизнь, скорее наоборот. И «еврейская тема» в СМИ перестала вызывать даже любопытство аудитории. Да еще к концу 80-х был снят «железный занавес», и сотни тысяч евреев устремились на свою историческую родину, в Израиль. За последние два года перед распадом СССР страну в этом направлении покинули свыше 340 тысяч человек, плюс около 100 тысяч евреев отправились в США и Германию [43]. Но для советских СМИ «еврейский вопрос» в это время стремительно сошел на нет. Мне кажется, они предпочли забыть о нем по политическим соображениям. В те годы активное развитие получили советско-американские отношения, и кремлевская пропаганда, не желая омрачать их, полностью сменила вектор восприятия действительности. Аналогичную позицию заняли и СМИ. Да и население, видимо, под воздействием все большего числа социально-экономических проблем, стало к этим сюжетам равнодушным (если

не считать отдельных его представителей в лице генерала-антисемита А. Макашова и иже с ним). Ну, хотя уехать эти евреи – пусть уезжают, скатертью дорога...

На этом и завершилась окончательно «еврейская тема» в советских СМИ. Неброско и скромно. После столь активного ее развития на протяжении многих десятилетий завершающий аккорд прозвучал совсем неброско. Но – что было.

Вместо послесловия

Об истории советской и современной российской журналистики как-то легко думается, глядя из окна моей нынешней израильской квартиры на уходящую за горизонт пустыню. Этот живописный пейзаж не склонен к изменениям. Он был таким и сто лет назад, и тысячу. Здесь, в Израиле, настоящее цепко переплетено с прошлым, создавая ощущение их единства. Потому и нынешняя жизнь невольно подводит меня к более глубокому познанию истории. Через призму иудейской истории лучше понимаешь, откуда ты пришел в нынешний для себя мир. Но не менее многогранной выглядят на этом фоне и российская история. Я воспринимаю их сегодня на некотором отдалении, но эта отдаленность скорее географическая, чем духовная.

И эволюция журналистики той страны, где мне довелось прожить свыше полувека, наполняется сегодня особым содержанием. В ней более выпукло, чем раньше, выглядят на расстоянии и возвышенное, и низменное, и все человеческие страсти, которыми она была пронизана в XX столетии. Рассказывая израильским студентам о том, что всегда являлось составляющей моей профессиональной жизни, я всегда помню о том, что именно она предопределила мое восприятие новых реалий. Этот опыт и делает окружающий меня мир более цельным и объемным.

Литература

1. *Лозинский С.Г.* Социальные корни антисемитизма в Средние века и Новое время. М. : Атеист, 1929.
2. *Горький А.М.* Обращение к русскому народу, 1919 г. URL: <https://polonsil.ru/blog/43521223976/Maksim-Gorkiy-o-eyreyah.-Obraschenie-k-russkomu-narodu> (дата обращения: 30.09.2018).
3. *Шафир Я.* Газета и деревня. М., 1923.

4. *Левидов М.* Простые истины. М. ; Л., 1927.
5. *Жирков Г.В.* Я. Шафир – исследователь и теоретик журналистики // Акценты: Новое в массовой коммуникации. Воронеж, 2003. № 1–2.
6. *Ингулов С.Б.* Реконструктивный период и задачи печати. М., 1930.
7. *Сталин И.В.* Ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки. 12.01.1931 // Собр. соч. Т. 13. URL: <http://www.kprf.org/show-thread.php?t=929> (дата обращения: 30.09.2018).
8. *Киянская О.* Яков Бельский: чекист, художник, журналист. 6.02.2015. URL: <https://www.poslednyadres.ru/articles/belsky.htm> (дата обращения: 30.09.2018).
9. *Костырченко Г.В.* Кампания по борьбе с космополитизмом // Вопросы истории. 1994. № 8.
10. *Рабинович Я.И.* Почему евреи не любят Сталина. URL: <https://history.wikireading.ru/253509> (дата обращения: 28.09.2018).
11. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Гл. V: Антисемитская агония диктатора. URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/os/tyrchenko_7.html (дата обращения: 03.10.2018).
12. *Ардаматский В.* Пиня из Жмеринки // Крокодил. 1953. 20 марта.
13. *Чечеткина О.* Почта Лидии Тимашук // Правда. 1953. 20 февр.
14. Сообщение об Указе Президиума Верховного Совета СССР № 125/32 // Правда. 1953. 4 апр.
15. *Аграновский А., Алевич Ал., Рыклин Г.* Люди-вредители. М. ; Л., 1928.
16. *Борцаговский А.М.* Обвиняется кровь. М. : Прогресс, 1994.
17. *Симонов К.* Новая повесть Ильи Эренбурга // Лит. газета. 1954. 17 и 20 июля.
18. *Шолохов М.А.* Речь на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, 1954. URL: http://thelibrary.ru/books/sholohov_mihail_aleksandrovich/ocherki_feletony_stati_vystupleniya-read-14.html (дата обращения: 05.10.2018).
19. *Померанцев В.* Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12.
20. *Рубашкин А.* Илья Эренбург: путь писателя. Л. : Советский писатель, 1990.
21. *Краминов Д.* В Англии (Записки журналиста). М. : Правда, 1957.
22. «Советская печать должна быть самой сильной и самой боевой!». Выступление Н.С. Хрущева на приеме советских журналистов в Кремле 14 ноября 1959 г. // Правда. 1959. 18 нояб.
23. *Эренбург И.* Ответ на одно письмо // Комс. правда. 1959, 2 сент.
24. *Белага Л.* Хроника государственного антисемитизма в СССР после Сталина. 2012, 3 февр. URL: <https://la-belaga.livejournal.com/214096.html> (дата обращения: 03.10.2018).
25. *Евтушенко Е.* Бабий Яр // Лит. газ. 1961. 19 сент.

26. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. URL: <https://history.wikireading.ru/309285> (дата обращения: 30.09.2018).

27. Советский Союз. Этническая демография советского еврейства. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-in-ussr/15423/> (дата обращения 05.10.2018).

28. Динкевич С. В кафе зашел антисемит... URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=3051> (дата обращения: 02.10.2018).

29. Ромм М. Четыре встречи с Хрущевым // Никита Сергеевич Хрущев: материалы к биографии / сост. Ю.В. Аксютин. М. : Политиздат. 1989.

30. Кучеровский Н., Карпов Н. Во имя чего и для кого? // Знамя (Калуга). 1959. 23 дек.

31. Осетров Е. Поэзия и проза «Тарусских страниц» // Лит. газ. 1962. 9 янв.

32. Перельман В. Гайд-парк при социализме // Время и мы (Тель-Авив). 1975. № 1.

33. Ваксберг А.И. Баня // Лит. газ. 1978. 12 мая.

34. Изюмов Ю. Памяти главного редактора «Литературной газеты». URL: <https://ok.ru/zrelost2.0/topic/68483498093337> (дата обращения: 02.10.2018).

35. Ваксберг А.И. Моя жизнь в жизни. М. : Терра-Спорт, 2000. Т. 1.

36. Померанц Г.С. Неопубликованное. Мюнхен : Посев, 1972.

37. Лифшиц М. Очерки русской культуры. М. : Наследие, ТОО «Фабула», 1995.

38. Л.С. Беседа с писателем Василием Аксеновым // Континент. 1981. № 27.

39. Рыбаков А. Роман-воспоминание. М. : Вагриус, 1997.

40. Ерофеев В. Десять лет спустя // Огонек. 1990. № 37.

41. Дело «МетроПоля»: стенограмма расширенного заседания секретариата МО СП СССР от 22 января 1979 года / подг. текста, публ., вступ. статья и комм. Марии Заламбани // Новое литературное обозрение. 2006. № 82.

42. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М. : Политиздат, 1988.

43. Тольц М. Постсоветская еврейская диаспора: новейшие оценки // Демоскоп Weekly. № 497-498. 2012. 6–19 февр. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php> (дата обращения 4.10.2018).

THE JEWISH THEME IN SOVIET JOURNALISM. SUBJECTIVE NOTES ABOUT TIME, AUTHORS AND THEIR HEROES

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 3. pp. 73–126.

Dmitry L. Strovskiy, Ariel University (Ariel, Israel), Yekaterinburg Academy of Contemporary Art (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dmitrystr@ariel.ac.il; strovsky@mail.ru

DOI: 10.17223/26188422/3/6

Keywords: history of journalism, Communist ideology, Soviet propaganda, Israel, “Jewish issue” in the USSR, anti-Semitism, struggle against “rootless cosmopolitanism”, literary journals, samizdat.

This paper, written not as much in the scientific form but mostly in the journalistic narrative, envisages the features of the evolution of Soviet journalism related to the coverage of the “Jewish issue”. The main focus is paid to the media content revealing this topic on different stages of the national history. The fate of Soviet journalists with Jewish origins, who influenced public consciousness in certain periods of time, is also under investigation. The author tends to explore the impact of various events in the life of the USSR concerning the “Jewish issue” on the formation of the professional worldview of journalists. These events, on the one hand, seriously influenced the evolution of the media process in the country, but, on the other, affected the personal life of the author and his family. All this makes the content of the paper personal and emotional. The latter, perhaps, does not aim to present fundamental academic generalizations; yet, it grasps a profound empirical material for research in the fields of political science, sociology, media history and other humanities.

References

1. Lozinskiy, S.G. (1929) *Sotsial'nyye korni antisemitizma v Sredniye veka i Novoye vremya* [The social roots of antisemitism in the Middle Ages and the New time]. Moscow: Ateist.
2. Gor'kiy, A.M. (1919) *Obrashcheniye k russkomu narodu* [An appeal to the Russian people]. [Online] Available from: <https://polonsil.ru/blog/43521223976/Maksim-Gorkiy-o-evreyah.-Obraschenie-k-russkomu-narodu>. (Accessed: 30.09.2018).
3. Shafir, Ya. (1927) *Gazeta i derevnya* [A newspaper and the village]. Moscow: Krasnaya nov'.
4. Levidov, M. (1927) *Prostyie istiny* [Simple truth]. Moscow; Leningrad: 3-ya Tipolitografiya Transpechati.
5. Zhirkov, G.V. (2003) Ya. Shafir – issledovatel' i teoretik zhurnalistiki [Ya. Shafir as a researcher and theoretician of journalism]. *Aktsenty: Novoye v massovoy kommunikatsii*. 1–2.
6. Ingulov, S.B. (1930) *Rekonstruktivnyy period i zadachi pechati* [The period of reconstruction and tasks of the press]. Moscow: [s.n.].
7. Stalin, I.V. (1931) *Otvet na zapros Yevreyskogo telegrafnogo agentstva iz Ameriki, 12.01.1931* [A reply to the inquiry of the Jewish Telegraph Agency from America on 12.01.1931]. [Online] Available from: <http://www.kprf.org/showthread.php?t=929>. (Accessed: 30.09.2018).
8. Kiyanskaya, O. (2015) *Yakov Bel'skiy: chekist, khudozhnik, zhurnalist* [Yakov Belskiy: a Cheka member, painter, journalist]. [Online] Available from: <https://www.poslednyadres.ru/articles/belsky.htm>. (Accessed: 30.09.2018).

9. Kostyrchenko, G.V. (1994) Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom [The campaign of fighting with Cosmopolitanism]. *Voprosy istorii*. 8.
10. Rabinovich, Ya.I. (n.d.) *Pochemu yevrei ne lyubyat Stalina* [Why Jews do not love Stalin]. [Online] Available from: <https://history.wikireading.ru/253509>. (Accessed: 28.09.2018).
11. Kostyrchenko, G.V. (2001) *Taynaya politika Stalina* [Stalin's secret policy]. Chapter 5. [Online] Available from: http://krotov.info/libr_min/11_k/os/tyrchenko_7.html. (Accessed: 03.10.2018).
12. Ardamatskiy, V. (1953) Pinya iz Zhmerinki [Pinya from Zhmerinka]. *Krokodil*. 20 March.
13. Chechetkina, O. (1953) Pochta Lidii Timashuk [Lydia Timashuk's mail]. *Pravda*. 20 February.
14. Pravda. (1953) Soobshcheniye ob Ukaze Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR № 125/32 [A message on the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR no. 125/32]. *Pravda*. 4 April.
15. Agranovskiy, A., Alevich, Al. & Ryklin, G. (1928) *Lyudi-vrediteli* [Human pests]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
16. Borshchagovskiy, A.M. (1994) *Obvinyayetsya krov'* [Blood is being blamed]. Moscow: Izd. gruppa "Progress".
17. Simonov, K. (1954) Novaya povest' Il'i Erenburga [A new story by Ilya Erenburg]. *Literaturnaya gazeta*. 17 & 20 July.
18. Sholokhov, M.A. (1954) *Rech' na Vtorom Vsesoyuznom s'yezde sovetskikh pisateley* [A speech at the Second Congress of Soviet writers]. [Online] Available from: http://thelib.ru/books/sholohov_mihail_aleksandrovich/ocherki_feletony_staty_vystupleniya-read-14.html. (Accessed: 05.10.2018).
19. Pomerantsev, V. (1953) Ob iskrennosti v literature [On sincerity in literature]. *Novyy mir*. 12.
20. Rubashkin, A. (1990) *Il'ya Erenburg: Put' pisatelya* [Ilya Erenburg: the writer's path]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
21. Kraminov, D. (1957) *V Anglii (Zapiski zhurnalista)* [In England (Notes of a journalist)]. Moscow: Pravda.
22. Pravda. (1959) "Sovetskaya pechat' dolzhna byt' samoy sil'noy i samoy boyevoy!": Vystupleniye N.S. Khrushcheva na priyeme sovetskikh zhurnalistov v Kreml'e 14 noyabrya 1959 g. ["The Soviet press should be the strongest and the most active!": N.S. Khrushchev's speech at the reception of Soviet journalists in the Kremlin on 14 November 1959]. *Pravda*. 18 November.
23. Erenburg, I. (1959) Otvet na odno pis'mo [A reply to a letter]. *Komsomolskaya pravda*. 2 September.

24. Belaga, L. (2012) *Khronika gosudarstvennogo antisemitizma v SSSR posle Stalina* [The chronicle of state anti-Semitism in the USSR after Stalin]. [Online] Available from: <https://la-belaga.livejournal.com/214096.html>. (Accessed: 03.10.2018).

25. Yevtushenko, E. (1961) *Babiy Yar* *Literaturnaya gazeta*. 19 September. (In Russian).

26. Aksyutin, Yu.V. (2004) *Khrushchevskaya "ottepel'" i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [The Khrushchev thaw and public spirits in the USSR in 1953–1964]. [Online] Available from: <https://history.wikireading.ru/309285>. (Accessed: 30.09.2018).

27. Eleven.co.il. (1996) *Sovetskiy Soyuz. Etnicheskaya demografiya sovetского yevreystva* [The Soviet Union. The ethnic demography of Soviet Jews]. [Online] Available from: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-in-ussr/15423/>. (Accessed 05.10.2018).

28. Dinkevich, S. (n.d.) *V kafe zashel antisemit...* [An anti-Semite entered a cafe . . .]. [Online] Available from: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=3051>. (Accessed: 02.10.2018).

29. Romm, M. (1989) *Chetyre vstrechi s Khrushchevym* [Four meetings with Khrushchev]. In: Aksyutin, Yu.V. *Nikita Sergeevich Khrushchev: Materialy k biografii* [Nikita Khrushchev: Materials for the biography]. Moscow: Politizdat.

30. Kucherovskiy, N. & Karpov, N. (1959) *Vo imya chego i dlya kogo?* [Why and for whom?]. *Znamya* (Kaluga). 23 December.

31. Osetrov, E. (1962) *Poeziya i proza "Tarusskikh stranits"* [Prose and poetry of Tarusskiye Stranitsy]. *Literaturnaya gazeta*. 9 January.

32. Perel'man, V. (1975) *Gayd-park pri sotsializme* [Hyde Park under Socialism]. *Vremya i my* (Tel Aviv). 1.

33. Vaksberg, A.I. (1978) *Banya* [Sauna], *Litaraturnaya gazeta*. 12 May.

34. Izyumov, Yu. (n.d.) *Pamyati glavnogo redaktora "Literaturnoy gazety"* [In memory of the editor-in-chief of Literaturnaya Gazeta]. [Online] Available from: <https://ok.ru/zrelost2.0/topic/68483498093337>. (Accessed: 02.10.2018).

35. Vaksberg, A.I. (2000) *Moya zhizn' v zhizni* [My life in life]. Vol. 1. Moscow: Terra-Sport.

36. Pomerants, G.S. (1972) *Neopublikovannoye* [The Unpublished]. Munich: Posev.

37. Lifshits, M. (1995) *Ocherki russkoy kul'tury* [Essays on Russian culture]. Moscow: Naslediye, TOO "Fabula".

38. L.S. (1981) *Beseda s pisatelem Vasiliyem Aksenovym* [A talk with writer Vasily Aksyonov]. *Kontinent*. 27.

39. Rybakov, A. (1997) *Roman-vospominaniye* [A remembrance novel]. Moscow: Vagrius.

40. Yerofeyev, V. (1990) *Desyat' let spustya* [Ten years later]. *Ogonek*. 37

41. Zalambani, M. (ed.) (2006) *Delo "MetrOpolya": Stenogramma rasshirennoho zasedaniya sekretariata MO SP SSSR ot 22 yanvarya 1979 goda* [The case of Metropol:

a transcript of the expanded meeting of the Secretariat of the Moscow organization of the USSR's Union of Writers from January 22, 1979]. *Novoye literaturnoye obozreniye* – *New Literary Observer*. 82.

42. Gorbachev, M.S. (1988) *Perestroyka i novoye myshleniye dlya nashey strany i vsego mira* [Perestroika and a new thinking for our country and the entire world]. Moscow: Politizdat.

43. Tol'ts, M. (2012) Postsovetskaya yevreyskaya diaspora: noveyshiye otsenki [Post-Soviet Jewish diaspora: the newest evaluations]. *Demoskop Weekly*. 497–498. 6–19 February. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php>. (Accessed 4.10.2018).